

Легенды и мифы Хангаласского улуса

(ЦИФРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ РЕСУРС)

**Авторы: учащиеся 8-го класса: Гребнев Артур, Лебедев Антон
Руководители: Андросова А.И., учитель географии; Худаева Л.А., учитель НКНЯ**

История становления якутского этноса и его предводителя Тыгына на Средней Лене

По мнению Г.В.Ксенофонтова якуты представляют собой народ смешанного происхождения, включивший в себя три волны тюркоязычных переселенцев. Первое заселение якутами бассейна р. Виллюй началось в конце 1 в.н.э. Вторая волна переселения якутов на Среднюю Лёну и в бассейн Виллюя из Прибайкалья наблюдалась в VI – VII вв. н.э. Наконец, последний этап переселения якутов произошел в XI – XII вв. в связи с усилением монгольских племен и полным вытеснением предков якутов с первоначального места проживания.

Более поздние исследователи расходятся во мнении. Одни считают, что массовое переселение якутов на север началось с XIII в. Другие, на основе археологических находок и тюркских рунических надписей по берегам р. Лёны, указывают о проникновении тюрков в Якутию, начиная с VI века.

В любом случае, предки народа саха дали названия долинам Эркээни и Туймаада очень давно. Среди якутов были ханглы, которые представляли среди всех якутов особую группу – владельческий род, глава которого имел особый титул «Тойон ууһа» («Тойонский род»). Эти ханглы основали Хангаласский улус. Хангалассцы были одним из многолюдных и сильных племен, которые состояли во главе союза племен, состоявшего из хангалассцев, нерюктяйцев, мальжегарцев, нахаринцев и жемконцев.

По преданиям, на территории Хангаласского улуса поселился Омогой-баай. После него на местности Бахай (около современного поселка Ой) причалила лодка Элляй-Боотура. По легенде с этого времени начинается формирование народности саха. Согласно историческим преданиям, все якутские роды по мужской линии с 71% до 93% являются потомками одного основателя.

Тыгын Дархан жил во второй половине XVI-го и первой половине XVII веков. Отца его звали Мунньан Дархан, а дедушку Дойдуса Дархан. По мнению историков, имена людям давали за заслуги, которые они совершили, по нашим сегодняшним понятиям, за политику, которую они проводили. Например, имя «Дойдуса» человек может получить за то, что он определял людям земли: кому, где жить. Этим самым он обосновал малую родину каждого, что и называется «дойду», в переводе – родина. Слово Мунньан переводится буквально, как собирать, собрание. Следовательно, заслуга его перед народом в том, что он объединил семьи, роды в один улус. Слово «улуус» означает административную территорию многих улусов, т.е. родов. Тыгын родился в то время, когда убили его отца. Поэтому вначале ему дали имя «Тыын» - буквальный перевод означает дыхание, от понятия саха «толук тыын», т.е. взамен дыхания отца. Позже, когда он стал во главе улуса и стал объединять всех саха, то ему дали титул «Тыгын» - от тюркского слова «тегин» - князь. Эвенки звали его «Дыгын», в переводе с эвенского «четвертый». Видимо Тыгын был четвертым сыном у Мунньан Дархана.

Семья Мунньан Дархана владела землями от р. Кулланы до Немюгинцев. Бесстрашный и храбрый Тыгын с юных лет начал лидировать среди своих братьев. Это не понравилось старшим, но Тыгын вышел победителем в затеянной борьбе, ибо он, Тыгын, опирался на силу тойонского рода хангалассцев и богатырей, пришедших из других мест, тем самым подчинил себе другие племена и роды, став единоличным владыкой над ними.

У могущественного Тыгына максимальное количество людей, «державших мечи», достигало 200 человек, его воины ходили в походы на Энсиэли, Кобяй, Виллюй, Борогонцы, Таатту, Амгу, Олекму.

Номинальную власть легендарного правителя Тыгына во второй половине XVI века и в первой трети XVII века, признавали почти все местные объединения якутов.

ЛЕГЕНДЫ КАНГАЛАССКОГО УЛУСА ОБ ОМОГОН-БААЕ И ЭЛЛЭЙ БООТУРЕ (Из книги Г.В.Ксенофонта «Эллэйаада»)

- [Эр-Соготох-Эллэй и Омогон-Баай](#)
- [Красивая дочь Омогона увлекается демоном](#)
- [Эллэй — изобретатель кумысной посуды и устроитель ысыаха](#)
- [Омогон-Баай и Эр-Соготох-Эллэй](#)
- [Эллэй — культурный герой](#)
- [Эр-Соготох-Эллэй и Омогон-Баай](#)
- [Родовитость Эр-Соготох-Эллэя](#)
- [Предки якутов Омогон-Баай и Эр-Эллэй](#)
- [Обряд кумысопития](#)
- [Эр-соготох-Эллэй](#)
- [Потомки Эллэя](#)
- [Отрывки из легенды об Омогоне и Эллэе](#)
- [Эр-Соготох-Эллэй – создатель якутской культуры](#)
- [Эллэй – проповедник новой религии \(Устройство ысыаха\)](#)
- [Бегство Эллэя](#)

- [Эллэй и Омогон-Баай](#)
- [Ысыах Эллэя](#)
- [Потомки Эллэя](#)
- [Предки якутов](#)
- [Беглецы](#)
- [Бегство Эллэя с юга](#)
- [Покушение Омогона на убийство Эллэя](#)
- [Культурные нововведения Эллэя и устройство им ысыаха](#)
- [Начало культа дочерей Омогона](#)
- [Омогон-Баай и Ого-Эллэй](#)
- [Устройство ысыаха](#)
- [Судьба дочерей Омогона](#)
- [Эр-Соготох-Эллэй](#)
- [Тойон-Омогой и белый шаман Аан-Эрэсэр](#)
- [Эллэй-охотник](#)
- [Книга отца Эллэя](#)
- [Прародители якутов Хонньоc-Хайыыппар и Хонгхор-Саара](#)

ЛЕГЕНДЫ КАНГАЛАССКОГО УЛУСА О ТЫГЫН ДАРХАНЕ

(Из книги Г.В.Ксенофонтова «Эллэйаада»)

- [Потомки Масары — правнуки Тыгына](#)
- [Софрон Сыранов Джокутаат](#)
- [Депутат](#)
- [Масары – потомок Тыгына у русского царя](#)
- [Тыгын и Бэрт-Хара](#)
- [Борьба Тыгына с хоринцами](#)
- [Истребление Тыгыном детей](#)
- [Тыгыниды](#)
- [Депутат \[Софрон Сыранов\]](#)
- [Муос уол](#)
- [Бэрт-Хара и быстроногая Тыасааны, дочь Тыгына](#)
- [Тыгын и хоринцы](#)
- [Дочери Тыгына](#)
- [Из сказаний о Тыгыне](#)
- [Тыгын и его сыновья](#)
- [Вражда Тыгына с братьями](#)
- [Избиение Тыгыном детей](#)

- [Тыгын и Хара-Уол](#)
- [Избиение Дыгыном детей 2](#)
- [Быстроногая дочь Дыгына](#)
- [Бэрт-Хара](#)
- [Сын Тыгына Таас-Уллунгах](#)
- [Тыгын-воитель и его боевые кони](#)
- [Бегство якутов от Тыгына](#)
- [Борьба тыгына с намцами](#)
- [Потомки Тыгына у русского царя](#)
- [Испрошение детей через шамана](#)
- [Заселение якутами Вилюя](#)
- [Тыгын](#)
- [Тыгын и тунгусы](#)
- [Муос уол](#)
- [Прибытие русских](#)
- [Семья Тыгына](#)
- [Тыгын и Бэрт Хара](#)
- [Убийство Тыгыном сына](#)
- [Легенды о Байаа, сыне небожителей](#)

ЛЕГЕНДЫ МАЛЬЖЕГАРСКИХ НАСЛЕГОВ КАНГАЛАССКОГО УЛУСА

- [Соххой-дуурай и Хабар-джапсай](#)
- [Соххор-дуурай и хабар Джапсай 2](#)
- [Соххор-дуурай и хабар Джапсай 3](#)
- [Легенды о Хабар Джапсай и Сабыйа](#)
- [Шаман Ахтаан – отец Сабыйа – Ботура](#)
- [Детство Сабыйа – Боотура](#)
- [Борьба Сабыйа с вилюйскими якутами](#)
- [Борьба Сабыйа с сыном Тыгына Чаллаайы](#)
- [Борьба Сабыйа с бёртюнским Хадааром](#)

- [Борьба Сабыйа с Акдаакы](#)
 - [Могила Сабыйа-Боотура](#)
 - [Древний обычай воспитания воинов](#)
- Из Сайта НПП «Ленские столбы»
Концепция развития туризма в Хангаласском улусе:
- [История становления якутского этноса и его предводителя Тыгына на Средней Лене](#)
 - [Легенды наслегков долины Самартай](#)
 - [О братьях Лабыдья и Батамай](#)
 - [Скала любви](#)

По легендам рождались и жили на острове в разные времена особо талантливые незаурядные личности:

*Это великие шаманы-
Куртай ойуун,
Хоморолоох ойуун,
Тунпах ойуун,
братья Тимир,
Чаранчылаах ойуун,
Хаппахчылаах ойуун,
их отец Бюкэс Джаарын,
Джюсэгэй ойуун -
сын Хаппахчылаах ойууна,
Батыйалаах ойуун,
Хоной удагана.*

Родословная хангалассцев начинается от Эллэя. По преданиям Эллэй был сыном татарского царя. После поражения в битвах с врагами он отправился по течению незнакомой ему реки и обосновался на прекрасной долине Эркээни, на которой расположен современный город Покровск. Женился, родил детей, его потомки и составили ядро якутского народа. Название улуса «Хангаласский» произошло от имени старшего сына Элляя, Хангаласа.

Эр-Соготох-Эллэй был сын татарского царя. Отец его вел войну с русскими. Последние победили. Поэтому Эллэй вместе с отцом бежал. Отца, дряхлого старца, он посадил в одно отделение переметной сумы, а в другое сложил провизию. По указанию отца Эллэй держал путь по направлению к верховьям реки Лены. Им пришлось ехать по безлесной равнине, покрытой густой травой, но совершенно безводной, 300 верст. Днем они сидели под тенистыми деревьями, скрываясь от горячих лучей солнца, а по ночам ехали. Отец Эллэя, между прочим, был слепой. Однажды старик, обращаясь к сыну, говорит: «Походи-ка по траве и узнай, пристаёт ли роса к твоим ногам?». Вечером Эллэй сказал: «Роса начинает уже приставать». Они имели при себе 30 аршин холщовой материи. Отец приказал сыну привязать холст к хвосту коня и волочить по траве. Когда доехали до крупного леса, старик велел остановиться. Здесь сын по совету отца выдолбил топором корыто и выжал из холста впитавшуюся влагу. Воды оказалось вполне достаточно, чтобы напиться самим и напоить коня. Так добывая воду, они пересекли безводную равнину. По дороге старик захворал смертельной болезнью. Они не успели еще доехать до верховьев этой реки, как настал час его смерти. Перед смертью отец сказал последнее, заветное слово: «Мои кости похорони здесь, а сам поезжай дальше на север. Когда доедешь до реки, заколи коня на провизию, сделай плот и спускайся по течению реки. Далеко-далеко на севере найдешь хорошую страну, где живут люди со скотом. В той стране ты размножишь потомство и выйдешь в люди... Все это я провидел давно своим ясновидящим взором». Старик умер. Похоронив отца, Эллэй продолжал путь. Приехав к верховьям нашей реки, он заколол коня. Дальше, по рассказам одних, он сколотил себе плот, а другие говорят — сел верхом на корягу и поплыл. Когда он плыл, эта коряга, отражаясь в воде, казалась ему светло-серым жеребцом с темным крыланом на оплечьях. Кроме того, на поверхности воды рисовались конские загоны, стойло для жеребят, дымокур с оградой и разнообразная кумысная посуда: чорооны, «симиир», сири-исит и т. д. Рассказывают, что Эллэй позже сделал кумысную посуду по этим виденным образцам. Говорят также, что Эллэй раньше имел письмена, но свою книгу забыл на родине. Он приплыл к тому берегу, где стоит теперь город Якутск. Сам сильно похудел, вся одежда висела на нем лохмотьями. Он сделал лук, натянул тетиву из тальника и питался охотой на птиц.

Федоров Афанасий, 43 лет, Немюгинский наслег. Лето 1921 г.

Эр-Соготох-Эллэй и Омогон-Баай

Перья и крылья убитых птиц пускал по реке. Эти перья прибывало к тому берегу, где жил Омогон-Баай. Последний, заметив перья, послал своих работников узнать, кто поселился выше по реке. Работники, увидев Эллэя, вернулись и сказали хозяину: «Прибыл человек, на вид редкий молодец, но весь в лохмотьях».

Омогон тотчас же распорядился позвать незнакомца. Эллэй пришел. Омогон предложил поступить к нему работником. Эллэй ответил: «Мне, горемычному, оторвавшемуся от своих, деваться некуда, согласен работать». Омогон сделал его табунщиком. Он был превосходный пастух, быстро справлялся со своим делом, легко находил и потерянное. Так провел он у Омогона два года. Однажды жена Омогона говорит мужу: «Этот Эллэй, вероятно, человек очень знатного происхождения: когда он входит, пригнав свой табун, ты приходишь в дрожь».

Старик возразил на это: «Неправда, неужели я буду дрожать от какого-то проходимца?». «Если ты еще не убедился в этом, давай я приколю колышками полы твоей верхней одежды к нарам. Когда же придет Эллэй, дам тебе в руки «тордуйа» [берестяной черпак], наполненный кумысом. Тогда будет видно, сможешь ли ты усидеть, не пролив кумыса и не выдернув колышков». Старик согласился. Сделали так, как уговорились. Вот входит Эллэй: старик задрожал, расплескал весь кумыс и невольным движением выдернул колышки. Только тогда он убедился в правоте старухи и сказал: «Выдадим за него замуж нашу дочь, любимицу, и сделаем его своим зятем! У Омогона было две дочери: одна красивая и любимая, а другая дурнушка, жившая на положении простой рабыни. И, кроме членов семьи, у них было много домашней челяди. Когда Омогон предложил Эллэю жениться на своей любимой дочери, он сказал ему: «Как я могу решиться на это? Моя дерзость [породниться с вами] будет столь же безрассудной, как попытка угрожать богу тальниковым прутом. [Последнее выражение — общераспространенная поговорка.] К тому же я не знаю, чем бы стал кормить и во что одевать свою жену?»

Старик пообещал выделить половину своего богатства, но и тогда Эллэй не дал согласия и отвечал молчанием. Тем временем он стал наблюдать, как обе девицы мочатся. Он заметил, что моча красивой просто проливается жидкостью, а у дурнушки же оставляла на месте значительную пену. Эллэй подумал про себя, что та, которая мочится с пеной, наверное, будет детной, и обратился к старикам с просьбой выдать за него дочь-дурнушку. Омогон на это сказал: «Тебе, скверному мужику, эта дурная девка — заслуженная награда. Однако не рассчитывай получить от меня в приданое больше одного паршивого жеребенка и теленка, изъеденного лишаем». Так Эллэй женился на дурнушке.

Федоров Афанасий, 43 лет, Немюгинский наслег. Лето 1921 г.

Эр соготох Эллэй. Яковлева Юля, 8 класс

Эллэй-охотник

Красивая дочь Омогона увлекается демоном

Любимая дочь Омогона, очень желавшая выйти за Эллэя, была огорчена его выбором. Она сказала отцу: «Построй для меня наверху дома другое помещение. Я не хочу жить в доме, оскверненном ими».

Омогон, конечно, не мог противоречить желанию любимого дитяти и приказал построить для нее особое жилище. Она поселилась там, туда же носили ей пищу. Осенью, когда ночи стали темнее, на ущербе луны заметили у коновязи коня пепельной масти с лысиной на лбу и черный силуэт человека, поднимающегося наверх, в помещение девы. Так продолжалось около трех месяцев. В девятую луну, в девятый день ущерба также появился конь у коновязи, а наутро дева исчезла. Старик отец предполагал, что «абаасылар» вознесли ее к себе. С тех пор якутская женщина в девятую луну, да и вообще на ее ущербе, не выезжает со свадебным поездом. Омогон излил свой гнев на Эллэя, считая его виновником потери дочери, и прогнал вместе с женой.

Эллэй — изобретатель кумысной посуды и устроитель ысыаха

Отъехав от тестя, Эллэй построил себе урасу, скотный загон, завел дымокур с оградкой, впервые сделал разнообразную кумысную посуду, которая теперь в обиходе якутского хозяйства: сири-исит, симиир, чороон, «бисээйэх» и прочее. Затем, выдаивая кобыл, стал копить кумыс. По окончании всех приготовлений он пригласил тестя и тещу ко дню держания вверх чаши с кумысом. Пришла одна старуха, сам Омогон отказался, говоря: «Я не из таких, чтобы бегать за молоком его единственной паршивой кобылицы!». Жена Омогона вернулась к мужу и говорит: «Иди и посмотри, у него все устроено так чудно, хорошо!»

Наконец, старик согласился и пошел. Когда он входил в урасу, Эллэй только что поднимал чашу. Вдруг у Омогона стянуло жилы, и он, перекошенный, упал. Эллэй попросил на время вывести его из урасы, пока он не кончит обряд держания чаши. По окончании обряда снова ввели Омогона и, как только он вкусил освященного кумыса, болезнь тотчас же прошла. Тогда лишь Омогон понял свою ошибку и сказал:

«Перекосило меня за тот грех, что я много возомнил о себе. Воистину ты — человек, сопутствуемый [хранимый] богом и небожителями. Теперь даю тебе мое благословение, будь же человеком!». После этого он определил дочери приданое и выделил ей часть своего скота. От Эллэя произошла большая часть якутов, в первую очередь кангаласцы. От Омогона, как рассказывают, происходят таттинцы и ботулинцы.

Из потомков Эллэя известен Дойдууса-Дархан, про которого говорится: «родился, найдя свою родину». Мать его была уведена тунгусами после избиения всей ее семьи, но ей как-то удалось бежать от них. Она, будучи на последних днях беременности, занемогла в пути от усталости и голода. Дело было весной, когда снег начинал слегка таять. Она, переходя через Лену, осталась лежать на пустынном острове и ждала смерти. Но вдруг прилетел темно-серый орел, держа в когтях черного глухаря, и уронил свою добычу как раз над женщиной. Она имела за поясом огниво и трут. Зажгла костер и, зажав на вертеле глухаря, подкрепилась. Набравшись сил, она благополучно дошла до дому и родила сына, которому дед его на радостях дал упомянутое прозвище в ознаменование чудесного избавления от смерти плоти и крови своего дитяти [т. е. убитого тунгусами сына]. С тех пор будто бы кангаласцы стали почитать орла как свое божество и покровителя.

Федоров Афанасий, 43 лет, Немюгинского наслега. Лето 1921 г.

Омогон-Баай и Эр-Соготох-Эллэй

На том месте, где теперь стоит город Якутск, около озера Сайсары жил один человек по имени Омогон-Баай. Он имел несколько жен, восемь сыновей и трех дочерей. Самую любимую его дочь звали Дуйаак. Омогон был очень богат скотом. Кроме него, в этой стране жили другие люди. Однажды к Омогону приплыл по реке [Лене], сидя верхом на коряге, человек по имени Эр-Соготох-Эллэй. Рассказывают, что он происходил из татар, а его старший брат был у них царем. Последний вел войну с русскими и был побежден ими. Эллэй бежал один. Раньше на родине он имел письма и книги, но при бегстве, торопясь, забыл захватить их с собой. Поэтому-то мы, якуты, не имеем теперь своей грамоты. Эллэй отыскал здесь Омогона и поступил к нему табунщиком. По силе, храбрости и мужеству Эллэй был лучший из мужчин, по знанию разного мастерства и по своей мудрости он не имел также себе равных. Через год по его прибытии жена Омогона однажды говорит мужу: «Этот Эллэй, по-видимому, очень знатного происхождения. Когда он пригоняет табун и раздаётся его голос, ты весь содрогаешься. Нам следовало бы сделать его своим зятем». Омогон в гневе побил жену, приговаривая: «Стану ли я бояться человека, который приплыл верхом на коряге? Ты потому говоришь это, что он тебе самой, наверное, понравился». [Дальше повторяется сюжет испытания Омогона, женитьба Эллэя на дурнушке, которая мочилась с белой пеной]. Дочь-любимица, отвергнутая Эллэем, поселилась на лабазе («арангас»). К ней спустились сверху какие-то люди на рыжих и вороных лысаных [беломордых] конях [Небесные духи]. Вскоре после этого она исчезла и превратилась в небесную деву Дохсун-Дуйаак.

Федоров Николай, 72 лет,
Немюгинского наслега. Лето 1921 г.

Эллэй — культурный герой

Омогон, раздосадованный отказом Эллэя взять в жены его любимицу, в приданое за дочью дал чалую с пестринами кобылицу и двух коров. Эллэй, отделившись от тестя, поселился недалеко от него и построил себе якутскую юрту [с наклонными стенами], раньше не известную людям Омогона. Живя здесь, он завел дымокуры, которые до него тоже не были знакомы якутам. К дымокурам собирались все лошади Омогона, и жена Эллэя, выдаивая кобылиц, скопила большой запас кумыса.

Из березового дерева и бересты он понаделал разнообразную для кумыса, из кожи сшил большое кумысное ведро сирии исит. Для якутов все это было тоже ново.

Приготовившись к празднику, он послал старшего сына Тимирики-Быттык к деду и просил сказать ему: «Пусть придет. Я скопил кумыс, чтобы исполнить обряд держания чаши вверх». Парень пошел и попросил [деда] идти с ним. Но Омогон наотрез отказался и сказал: «Стану я ходить ради молока одной его чалой кобылицы!»

Эллэй отправил жену упросить своего отца прийти. На этот раз Омогон пришел.

Вручив несколько чороонов с кумысом особым людям, Эллэй заставил их преклонить колена перед огнем [очагом], а потом поднять чаши вверх. Сначала держали чаши в честь Аал-Уот-Иччитэ, потом Айыы-Тойона, в следующую очередь — подательницы Иэйэхсит, создательницы Айыысыт...

Во время поднятия чаш у Омогона скрючилась одна нога и рука, но после распития священного кумыса он выправился. Тогда только он понял, что наверху есть господь-создатель, дух священного огня...

«Я их не почитал, не восхвалял, поэтому и стянуло меня!» — сказал он. С тех пор он стал уважать и чтить Эллэя.

От Эллэя родилось много сыновей и дочерей. Омогон переселился на восточный берег Лены. От его детей произошли якуты всех улусов, за исключением двух Кангаласских, которые являются потомками Эллэя.

Эр-Соготох-Эллэй и Омогон-Баай

Омогон — исконный житель этого края, имел жену, семь или восемь дочерей. Были ли еще у него люди — неизвестно.

Эр-Соготох-Эллэй прибыл с юга, его отец, как рассказывают, происходил из татар. Отца звали Арсаах, он бежал с сыном от войны. Воевали татары и русские. Последние победили. Арсаах прибыл к верховьям нашей реки верхом на жеребце. Здесь, лежа при смерти, он сказал сыну: «Ты плыви по этой реке, мясо жеребца высуши и возьми с собой». Дальше он провидел наш край: «В очень обширной равнине я вижу густой дым. Если ты не найдешь этот дым, погибнешь».

Этот Эллэй на юге имел, оказывается, книгу. Спеша в дорогу, он забыл захватить ее с собой. Если бы он привез ее, то мы имели бы свое образование. Положив [похоронив] отца, Эллэй высушил мясо жеребца и поплыл на плоту.

Приплыв сюда, в Сайсарской равнине он нашел Омогона и по ступил к нему работником. Эллэй был очень умный человек, ма стер на все руки [«уран уус» — так называют обычно искусных во всяком мастерстве — в плотничестве, в столярном, кузнечном ремеслах, в шитье, в речи и т. д.]. Он очень понравился Омогону. Однажды старуха говорит мужу: «Однако этот Эллэй удивительный человек: каждый раз, разговаривая с ним, ты весь трясешься. Видимо, ты боишься его?»

[Дальше рассказывается об опыте с проливанием кумыса и о выдаче замуж одной дочери. Остальные семь дев умерли, уда вившись. Эллэй устраивает ысыах.]

Эллэй первую чашу, которую поднимал вверх, вручил тестю. Как только Омогон глотнул кумыс из чаши, лицо его покривила судорога, глаза перевернулись. Он спросил у своей старухи, по чему это могло случиться. Та ответила: «Ты, наверное, осуждал свою дочь и зятя. Надо полагать, они люди с хорошим покровителем».

У Омогона был сын Дэнгси. Эллэй разбогател и стал отцом многих сыновей, но со всей семьей был истреблен тунгусами. Из его потомков уцелел лишь один Тыгын, сын Мунньан-Дархана. Мунньан-Дархан — внук или правнук Эллэя.

Михайлов Федор, 67 лет, Немюгинского наслега. Июль 1921 г.

Родовитость Эр-Соготох-Эллэй

[Легенду об Эллэе и Омогоне сказитель передает без новых подробностей, повторяя общие места. Но интересны в его передаче слова Эр-Соготох-Эллэй, которые он просил передать тестю, приглашая его на устраиваемый им ысыах].

«Я тоже создан, живу по велению Чынгыс-Хаана и Одун-Хаана, будучи связан с матерью-землей как бы тонкой волосяной бечевкой, а ко всей вселенной будучи прикреплен тонкою нитью. Был я кровью человека ханского звания, родовитого человека дитятей, порождением чтимого человека, знатного человека потомком. Пусть придут ко мне почать верхушку сосуда, отведать куски пищи, они для меня все равно, что отец и мать!»

Николаев Еремей Иванович, 39 лет, Немюгинского наслега. Август 1921 г.

№ 23 Предки якутов Омогон-Баай и Эр-Эллэй

Эллэй по происхождению татарин. Отец его, говорят, был царем у татар, звали же его Джура-Хаан. Этот Джура-Хаан вел войну с русскими. Один из его четырех сыновей бежал от войны в нашу страну. Его звали Эллэем. Бежал он якобы по указанию своего отца, который рассказал: «В ледовитое море впадает большая река, там живет тихий, послушный народ». Эллэй бежал один («эр-соготох»), сев верхом на плывущую корягу, которая в пути казалась ему жеребцом (рассказчик имеет в виду плавание по реке Лене).

В этом краю жил якут по имени Омогон-Баай в той самой местности, где теперь около маленького озера стоит Покровская церковь. Рассказывают, что Омогон хотел это озеро наполнить чистым молоком, он бахвалился так: «Разве для этого недостаточно молока одной моей кобылицы Ылагас-бас?» ...продолжение стр. 35.

У Омогона сыновей не было, имел он только двух дочерей. Старшая из них по имени Чээчэ (прелестница), была любимицей своих родителей, а младшая Кусагаллай (дурнушка) была нелюбима и жила на положении простой рабыни. Эллэй по прибытии тотчас же поступил в работники к омогону. Он был энергичный, усердный работник и мастер на все руки. До него якуты не умели строить свои теперешние юрты, он же впервые сделал разнообразную кумысную посуду – чорооны, матаарчахи и прочее.

Однажды Омогон сказал жене: «По уму, тихому и краткому нраву, по энергии и знанию разного мастерства среди якутов не найдется человека, равного Эллэю, сделаем его своим зятем, и он будет у нас за родного сына» (Эллэй, как и в других вариантах, выбирает дурнушку).

Младшая дочь сказала ему: «Пусть лопнут глаза твои за то, что ты выбрал дурную и некрасивую! Я поселюсь злым духом на очах твоих и взыщу с твоего потомства!»

Затем она взяла чороон с топленным конским жиром и «исэгэем», налила жир на огонь, не призывая бога, а обращаясь к Хара – Суорун – Улуу – Тойону со словами: «Ниспошли своего сына - первенца и возьми меня к себе!»

На следующий день рано утром женщины-коровницы заметили на крыше дома человекоподобную тушу, лежавшую у основания трубы и одетую в пеструю складчатую одежду. Чээчэ исчезла. С той поры у якутов появились глазные болезни, причиняемые этой девой, превратившейся в злого духа. Шаманы, жертвуя ей беломастную скотину, вылечивают эти болезни.

Эллэй женился. Старик и старуха были крайне недовольны им за выбор дурнушки и считали его главным виновником потери своей любимицы. Будучи злы на зятя, они в приданое за дочерью дали только одну паршивую, с вылезавшей шерстью, трехтравую кобылицу. Эллэй не показал вида, что недоволен приданым; наоборот, приняв с радостью, уехал с женой от тестя и поселился недалеко.

Неустроев Михаил Тимофеевич, 71 го, 3-Малтанский наслег. Июнь 1921г. Урочище Кумахтаах Малтааныта.

Эллэй построил загоны для скота, хлев и развел дымокур. К его дымокуру стали собираться лошади и рогатый скот Омогона. Выдаивая кобылиц своего тестя, он накопил большой запас кумыса и устроил ысыях. К своему празднеству он пригласил Омогона с женой и при этом сказал: “Настал день поминовения предков и Юрюнг-Айыы и подношения им жертвенной чаши”

Раньше Омогон и его люди не видели такого обряда. Омогон подумал про себя:

“Откуда у него такое обилие пищи, мы как будто не дали скотину, от которой можно было что-нибудь выводить?”

Тем не менее, ради любопытства решил пойти посмотреть. Придя на ысыях, Омогон увидел кумыс, напиток раньше ему не знакомый, невиданные прежде сосуды, украшенные резьбой. Поверх кумыса плавало масло.

Эллэй поднял чашу с такой молитвой: “Господь, Юрюнг-Айыы, настал день твоего воспоминания! Я, созданный тобою человек, угощаю тебя через чистый огонь, почитаю тебя через огонь, почитаю тебя через огонь солнца!” Говоря так, он купал кумыс на огонь. В заключении призывал боже благословением, возгласами “уруй”, “айхал”. Тотчас же упало сверху в его чашу желтое “ильге” величиной с утиное яйцо. После молитвы Эллэй приступил к распитию кумыса. Когда он вручил своей теще чашу с кумысом, у нее вдруг свело руки и ноги. Омогон с женой промеж себя говорят: “Мы своим поступком обидели человека, который лучше нас знает истинного бога, за этот-то грех мы и поплатились!” Спрашивают они у самого Эллэя, почему случилось это несчастье. Тот им ответил: “В моей родной стороне, когда поминают Белого Создателя, не должны присутствовать женщины, так как у них бывают дни, когда они нечистые”. Омогон с того момента вручил свое богатство зятю, стал уважать и почитать его. Так-то Эллэй стал человеком, обзавелся хозяйством и сделался отцом большого семейства. После он стал именоваться Эр-Соготох_Эллэй, так как прибыл в наш край один.

Эр-соготов-Эллэй

Рассказывают, что Эр-Соготов-Эллэй – предок людей. Он, имея всего одну кобылицу, поднимал кумысную чашу Юрюнг-Айыы. Говорят, он прибыл издалека. Его почему-то возненавидели остальные братья, это обстоятельство и послужило причиной его бегства. Рассказывают, что у него был тесть по имени Кэринтэкиин. Про Омогон-Бая слышал, но точно не знаю, кто он.

Данилов Степан, 76 лет, 1 Малтанский наслег, июль 1921г.

Потомки Эллэя

«1575 года во время царя Иоанна Васильевича Грозного (Эллэя) 1. Кюаван (Кюн-Абаган) 2. Хордокоосун (Хордой - Хогосуун) 3. Додуса Дархан (Дойдууса-Дархан) 4. Муннян (Мунньан) 5. Тыгын 6. 1660 года во время царя Алексея Михайловича Чемчон (Чемчююн) 7. Тюрюннуй (Терюннуй) 8. Ута (Уктаа) 9. Тияса (Туйааса) 10. Мотун (Молтуун) 11. 1770 года во святом крещении наречены Павала Шадр. Алексей Шадр. 12. Галактион Шадр. 13. Иоанн Шадр. 14. Колена Эльля (Эллея) 15. Память сооружен Иоанн Галактионов Шадр. (Иоанном Галактионовичем Шадриным) лета 1878 года ...

... Иоанн галактионов Шадрин родился 1808г. 9 марта, скончался 31 октября 1884г.»

Надпись, высеченная на могильном камне И.Г.Шадрина им самим в 1878г. в возрасте 70 лет и заключающая его родословие начиная от общего предка якутов Эллэя. Памятник находится в 40 км от г. Якутска в местности Кулллаты Аньага, недалеко от трактовой дороги. В скобках приведено правильное чтение имен со слов внука покойного автора, И.П.Шадрина, который и указал мне памятник своего деда.

№27 Отрывки из легенды об Омогоне и Эллэе

(Сначала сообщаются об Омогоне и Эллэе общие места)

До Эллэя якуты не знали ни юрты с наклонными стенами, ни кумысной посуды, ни дымокура, ни сетей и морд для рыбной ловли. Все это впервые завел Эллэй. Он же первый устроил летний праздник ысыах.

Когда он на ысыахе поднял чашу с кумысом в честь Айыы-Тойона, то вдруг начал бессознательно петь, воспевая эти божества. В это время явно для всех при ясном небе выпал такой сильный дождь, что намокла вся окрестность и потекли ручьи. Этим господь-создатель дал знать о своем существовании.

Прокопьев Яков, 64 лет, Орсюдский наслег, лето 1921г.

Эр-Соготох-Эллэй – создатель якутской культуры

Предки якутов, как рассказывают, были Омогон-Баай и Эр-Соготох-Эллэй. Омогон происходил якобы из бурят. Он поселился в нашем краю задолго до прибытия Эллэя, имел многочисленную челядь и обладал огромным количеством лошадей и рогатого скота.

Зимой он жил в обмазанной глиной юрте с наклонными стенами и ледяными окнами, а летнее было сделано из коры лиственницы. Для кумыса он употреблял простой берестяной черпак – тордуйа. Обычай справлять летом праздник ысыах, сопровождаемый хвалой, благодарением богов и молением о благодати, был ему совершенно неизвестен. Вместе с Омогоном, рассказывают, прибыли и шаманы. Его постоянное местожительство было там, где стоит ныне город Якутск.

Однажды к Омогону прибыл один-единешенек татарский парень по имени Эр-Соготох-Эллэй. Он, рассказывают, был сын царя-иноплеменника. В те времена татары воевали будто бы с русскими. Русские оказались победителями. От этой-то войны и бежал Эллея; найдя истоки нашей реки, он поплыл вниз на письмена, которые были ему ранее известны. Вот почему мы, якуты, необразованны и не имеем своей грамоты.

По прибытии Эллэй поступил работником к Омогону. По мужеству, искусству в разных мастерствах, по уму и изворотливости он очень выделялся среди прочих людей; не было дела, которое поставило бы его в тупик, которое не мог бы он выполнить. В работниках он прожил продолжительное время.

[Следует повторение общеизвестного сюжета о страхе Омогона и о выборе жены Эллэем.]

Обиженный Омогон назначил в приданое за дочь одну-единственную корову грязно-пегой масти с белыми копытами и пестрыми пятнами на ноздрях, выбрав из самых худших.

Говорят, любимая дочь Омогона со стыда и печали с тех пор пропала без вести. Она, вознесшись наверх, стала «юёр». Шаманы, когда она причиняет людям болезни, посвящают ей живых животных, а также устраивают угощение из жертвенной пищи.

Эллэй, взяв в жены худую деву, был рад и весел. Поселился он по соседству с Омогоном. Поставил себе летнее жилище – украшенную узорами урасу, сшитую из бересты. Из березового дерева понаделал кумысную посуду – чорооны, «ымыйа», матаарчах, халля, бисээйэх и сделал сэлэ.

Жена его из конского волоса сплела и сшила жеребьячи недоуздки, сшила из бычьей кожи симиир. По указанию мужа она сшила также «саралаах-тэллэх». Кроме того, сам Эллэй из навоза устроил дымокур, чтобы отгонять от скота комаров и оводов. В летнее время к этому дымокуру приходили лошади Омогона. Жена Эллэя выдаивала собиравшихся кобылиц и копила кумыс.

Эллэй – проповедник новой религии (Устройство ысыаха)

Когда накопился достаточный запас кумыса, Эллэй устроил ысыах. К ысыаху он позвал своего тестя, но Омогон сказал: «Экая невидаль молоко его единственной дрянной кобылы!». И не пришел.

Внутри урасы Эллэй устроил возвышенный шесток и развел огонь, шесток покрыл листьями осины, у дверей урасы тоже разбросал листья, на дворе по кругу воткнул молодые березки. После этих приготовлений налил кумыс в чороон, положил туда куски масла, стал ногой на подстилку из конской кожи и, обратившись лицом на восток, поднял вверх чашу.

Сначала держал чашу в честь Юрюнг-Айыы-Тойона, благодарил и говорил: «Дарованной тобой пищей почитаю тебя, выражая душевную радость!». Вслед за тем он подошел к огню и вылил трижды на него из чаши немного кумыса в качестве угощения Юрюнг-Арыы-Тойону. После этого, стоя на одном месте, он слегка повернулся по солнцу правее и поднял свою чашу в честь Хомпоруун-Хотой-Айыы и также троекратно полил кумыс в огонь. Дальше, повернувшись еще правее, держал чашу, именуя Джёсёгёй-Айыы-Тойона. В четвертую очередь поднял чашу в честь Иэйэхсит-Хотун, пятую – духа земли, шестую – Аал-Уот-Иччитэ. Всего поднимал чашу семь раз. По окончании всей череды почитания богов он сам, припав на колени, выпил кумыса. Затем позволил пить из этой же чаши всем мужчинам, которые были в урасе. Женщинам вовсе не разрешалось [при угощении богов] присутствовать внутри урасы и пить тот [священный] кумыс. По распитии все громко воскликнули: «Урууй!». Когда Эллэй поднимал чашу, люди видели белую птицу, которая кругами парила над облаками над той самой урасой, где он совершал свой обряд. Старик тесть, отвергнув приглашение зятя, пришел, однако, украдкой и подслушивал все, что совершалось. Спрятавшись за деревом, он стал на одно колено, заткнул одно ухо указательным пальцем и закрыл один глаз. Когда Эллэй окончил распитие кумыса, омогон, намереваясь идти домой, встал на ноги. Поднявшись, он заметил, что одна нога его застыла. В согнутом виде, один глаз не видел, а одно ухо перестало слышать. Его, свалившегося наземь, челядинцы унесли домой на руках. Так вот, до теперешней поры якуты, впервые научившись от Эллэя, имеют обыкновение поднимать чашу и поминать Айыы-Тойона, из дерева делают разнообразную кумысную посуду, разводят дымокуры, чтобы защитить лошадей от насекомых.

От Эллэя произошли: Кангаласский улус, Мегинский и Вилюйские якуты. Омогон, как рассказывают, переселился на север в Кильдемцы. От него произошли Намский и Ботурусский улусы. Эллэй стал быстро богатеть. Появилось у него потомство. Родились два сына: один – предок Кангаласского улуса, другой – Мегинского улуса. Тыгын же – позднейший человек, тоже из потомства Эллэя. Он был из Кангаласского улуса.

Паспортные данные те же, что и у текста № 28

Бегство Эллэя

Эллэй – сын татарского царя. Когда русские стали истреблять татар, он бежал в этот край, сев верхом на плывущую по реке (Лене) корягу. Когда он плыл по реке, перед ним все время рисовался образ жеребца с яркой, блестящей шерстью на крупе, а шерсть в тонкой части конечности была с голубоватым оттенком. Этот жеребец с ржанием то и дело показывался впереди, а Эллэй следовал за ним.

Приплыв (к тому месту, где теперь стоит г.Якутск), Эллэй пристал к песчаному берегу и совершенно голый стал прохаживаться. Рассказывают, что в той местности жил человек по имени Омогой-Баай. Он на песке заметил следы человека величиной с большой продолговатый садок – «тымтай», который мы носим на спине. Заметив самого Эллэя, он издали стал с ним разговаривать. Незнакомец сказал: «Я – сын татарского царя, зовут меня Эллэем, прибыл сюда, я гол и бос, дай мне одежду». Омогой сделал его работником.

Рыкунов Осип Николаевич, 74 лет, 1-й Мальжагарский наслег, январь 1925г. Остров Тойон Арыы.

№31 Эллэй и Омогой-Баай

Когда Эллэй возвращался в дом, гоня перед собой лошадей, Омогой – Баай каждый раз испытывал какой-то непонятный страх, тряслись будто-бы кости. По этому жена говорит ему: «надо полагать, что Эллэй – человек именитой породы и имеет незримых, постоянно сопутствующих покровителей-богов. Только этим можно объяснить твой трепет перед ним». Старик возразил ей: «Ты, наверное, чувствуешь к нему влечение и потому болтаешь всякий вздор».

«если не веришь, к следующему его приходу садись на полу на конскую шкуру с черным окаймлением; деревянными колышками я прикреплю полы твоей верхней одежды к земле и, как только Эллэй войдет, вручу тебе чашу с кумысом. Тогда сам увидишь, что получится». Омогой согласился. Приготовились, как было условлено. Вот открывается дверь и входит Эллэй. Омогой невольно задрожал. Кумыс в чаше расплескался чуть ли не до дна. Только после этого события Омогой предложил Эллэю жениться на своей любимой дочери. У него были две дочери, одна красивая, другая дурная собой.

Эллэй стал примечать, как девицы мочатся. Дурная лицом и нелюбимая дочь всегда оставляла на месте пелену величиной с кулак. ...

№ 35 продолжение Омогой привел его к себе и два-три года продержал работником; он присматривал за скотом и ходил на всякий промысел.

У Омогойа одна дочь воспитывалась в холе, а другая просто. Однажды Омогой сказал Эллэю: «Женись-ка ты на моей дочери, затепли свой очаг-огонь, дым покажи!» [Следует повторение известного сюжета о выборе Эллэем невесты.]

Омогой очень обиделся этим выбором, дал им одну кобылицу, одну корову, да и прогнал от себя.

Павлов Николай Устинович, 76 лет, 2-го Мальжегарского наслега. Январь 1925 г.

№ 36 Ысыях Эллэя

Ысыах Эллэя

Тут же поодаль Эллэй поставил себе маленькую юртенку, понаделал разнообразную посуду для кумыса. Жена его по ночам стала выдаивать кобылиц отца. Таким образом скопили большой запас кумыса. Эллэй затеял обряд держания чаши вверх. Зовут на праздник отца и мать. Старуха пошла, а сам Омогон отказался, говоря: «Стоит ли мне ходить к ним из-за молока одной кобылицы?»

Старуха, побыв немного на празднике, вернулась и упросила мужа идти, чтобы не обидеть зятя. Пошли. Старик пошел по правой стороне юрты, а старуха по левой. Во время держания чаш с кумысом вдруг откуда-то появились три птицы, подобные белым чайкам, и стали кружить. Как только Омогон увидел их, тотчас же у него стянулись жилы и он свалился на землю. Его внесли в юрту на руках. По поводу случившегося Омогон будто бы сказал: «Это, видимо, Юрюнг-Айыы заглядывает; нужно думать, что у него [у Эллэя] имеется конский дух-покровитель, значит, ему суждено иметь детей и вырастить много лошадей!»

Однажды Эллэй ушел на тунгусскую территорию промыслять и исчез на семь лет, пропадал без вести. Вернулся и, стоя на берегу [речки или озера], на противоположном видит женщину в сопровождении ребенка. Она пришла за водой. Эллэй окликнул ее и попросил перевезти. Перевезла. Он спрашивает ее: «Ты кто такая, имеешь ли мужа, откуда у тебя этот ребенок?»

«Мужа моего звали Эллэем, ребенок мой, я осталась от мужа беременной, ему теперь уже семь лет», — говорит она. Узнали друг друга. По поводу рождения мальчика в отсутствии отца Омогон будто бы сказал: «Это он [Эллэй] свои ножны оставил, пусть и зовут его [ребенка] Кыын-Эллэй [Ножны-Эллэй]».

Эллэй-устроитель ысыаха. Тимофеева Лиза, 5 класс

Паспортные данные те же, что и у текста № 35

Потомки Эллэя

Потомки Эллэя следующие: Кыын-Эллэй. От него родился Ёньюэ. От него родился Дойдууса-Дархан. От него родился Танг-хайдаан-Ёлкёрю. От него — Мунньан-Малльагар. От него — Хап-пахчылаах-Ойун [шаман с козырьком над глазами.]

Этот последний — общий предок нашего наслега; от него родился айыы-ойуна по имени Бюгэс-Джаарын, от которого в свою очередь родились три сына: Хадаар, Джараас и Болбукаан-Мочо-рууска. По именам этих трех братьев и называются все три рода нашего наслега.

Паспортные данные те же, что и у текста № 35.

Предки якутов

Я до 35 лет жил в 1-м Малтанском наслеге нашего улуса. Следующий рассказ о предках якутов слышал от якута того же наслега Филиппа Козлова.

Сначала в этот край прибыл человек по имени Ураангхай-Хаадыат с людьми и со скотом. Переселился он не сразу, а постепенно, останавливаясь по пути на зимовку. При этом в летнюю пору там, где предполагал провести зиму, заготавливал сено для скота. В те времена эту страну именовали «Молочная река». Прибыв сюда, он повел войну с тунгусами, был побит ими.

Семенов Платон Саввич, 41 год, 2-Мальжагарский наслег.
Январь 1925г.

Беглецы

В эту-то пору и приплыли на плоту [или плотях] беглецы от кыргызской войны.

Беглецов было трое — Омогон-Баай из татар, Кюп-Бюкээтэп — кузнец из племени «кыргыз» и Джаппан-Быраадай — шаман, тоже кыргыз. Начальником у них был Омогон.

Поселившись в этом краю, они поженились на дочерях туземного народа и разбогатели.

В те времена в земле бурят жил, говорят, один человек по имени Эр-Соготох-Эллэй-Боотур; имел он отца, слепого на оба глаза. Этот человек обладал особым воинским искусством и однажды при военных упражнениях или играх случайно умертвил человека. Такой преступник по обычаям того времени подлежал наказанию смертью же.

Эллэй спрашивает совета у своего отца. Последний говорит:

«Вот я провижу своим шаманским взором: в местности, именуемой Молочной рекой, живут три человека — Омогон-Баай, Кюн-Бэкээтэп и Джаппан-Быраадай. Ты поезжай к ним. У Омогон-Бая есть три дочери. Когда самая младшая утром мочится, ее моча до самого полдня оставляет белую пену. Ты женись на этой девице!»

Поплыл на плоту, питаюсь по дороге разной перелетной дичью. Пух и перья убитой дичи он имел обыкновение пускать по реке впереди себя, точно так же пускал по течению и щепки от порубок. В этой стране, глядя на приплывающий пух и щепки, говорили: «Видимо, в верховьях реки плывут к нам какие-то люди».

Эллэй приплыл и пристал к берегу Омогона. Увидела его одна девушка, которая ходила за водой. Вернувшись, она рассказывает: «На плоту весь в пуху и в перьях птиц лежит какой-то неведомый человек».

Сам Омогон, схватив боевой рогатый лук, тотчас же пошел к реке, чтобы удостовериться о приплывшем незнакомце, и крикнул: «Эй, там, кто ты такой, откуда и зачем прибыл сюда?»

Когда пришелец приподнял голову, старик пустил в него стрелу. Тот тыльной стороной кисти отбил прилетевшую стрелу.

«Выйди-ка ко мне», кричит Омогон. Вышел, пошли в дом. Старуха в берестяном черпаке подала гостю кумыс для утоления жажды. Лишь только припал он к посуде, Омогон с размаху рубанул пальмой, целясь ему в темя. Но незнакомец, даже ничуть не разволновав кумыс в посуде, ловко отстранил свою голову. Глядя на это, старик говорит жене: «Это человек, обученный военному искусству, оставим его у себя и сделаем работником». Старуха согласилась. Так прожил он у них три года. Однажды Омогон говорит старухе: «Это опасный, дурной человек, надо его убить!». Старуха возразила: «Нет, это избранный муж, имеющий святых покровителей и богов [т. е. родовитый, имеющий обожествленных предков]. Когда он возвращается с охоты, ты не замечаешь, как тебя неожиданно забирает дрожь» [Далее следуют испытание Омогона, выбор жены Эллэем и ысыях].

Эллэй почтил Омогона первой почетной чашей с кумысом [после богов]. Взяв в руки чашу, Омогон сидел, обратив взор на восток. При этом он один глаз зажмурил, встал на одно колено, а одну руку вытянул вверх. В таком виде он долго просидел, как будто нашел на него столбняк. Изрядно прождали [пока он сидел так].

«Встарь я со дня на день ждал случая, как бы умертвить моего зятя. В возмездие за этот грех я окаменел».

Так сказал сам Омогон. Разделив все богатство на три части, одну часть он уделил зятю и сказал своей старухе: «Ну, теперь призови благословение на своих детей!»

Первые переселенцы в Якутский край (Ураанхайка, Омогон, Ныкыыс и Кюппюлююн)

Омогон-Баай прежде вел войну с народом ураанхай и, будучи побежден им, бежал в страну бурят. С бурятами тоже пришлось повоевать. В нашу страну он, надо полагать, попал после столкновения с бурятами, по указанию последних. Побежденный Омогон с двумя товарищами, из которых одного звали Ныкыыс, а другой был шаман по имени Кюппюлююн, поплыл вниз по Лене. Они пристали к берегу современного города Якутска. В этой местности, направо от озера Ытык-Кюёл [Священное озеро, дословно — чтимое], они увидели урасу. Омогон сказал Ныкыысу: «Иди-ка узнай! Кто это, прибыв, поселился в этой местности?»

Ныкыыс встретил там одну женщину, которая была ростом не ниже урасы. Он спросил: «Откуда ты и как прибыла сюда?»

Женщина ответила:

«Пришла от ураанхайцев, бежала от войны и живу тут». Когда Ныкыыс рассказал о виденном, все вышли на берег. Омогон ту женщину взял себе в жены. От нее он имел трех дочерей, из которых две, красивые собой, пользовались любовью и вниманием родителей, а третья была дурна лицом и больна ногами.

Дмитриев Михаил, 3-го Мальжегарского наслега. Март 1922 г.

Три дочери Омогона. ПетроваТуйаара, 7 класс

Покушение Омогона на убийство Эллэя

Эллэй с удивлением стал осматривать обзаведение своих хозяев: они варили пищу в глиняном горшке, примазанном к боковой стенке камелька; вместо деревянной посуды употребляли тордуйа.

Подали ему кумыс в берестяном черпаке. Когда он протянул руки за посудой, Омогон вдруг, выхватив пальму, замахнулся изо всей силы, метясь в самую печень Эллэя. Последний с черпаком, полным кумыса, даже не расплескав жидкости, отскочил в сторону и тем избежал удара.

«Ты, как вижу я, очень ловкий человек! Потому-то и мог прибыть в наш [дальний] край». Похвалил Омогон [своего гостя]. Наступила вечерняя трапеза. Снова принесли и подали Эллэю черпак с кумысом. Когда он взял его обеими руками, Омогон опять бросился с пальмой. Эллэй, так же как и ранее, не пролив кумыса, отстранился от удара. Омогон опять похвалил его.

Омогон и после, когда Эллэй служил у него в работниках, несколько раз покушался убить его, но всегда неудачно. Каждый раз проворство Эллэя спасало его от смертоносного удара. Жена Омогона, следя за тщетными попытками мужа убить Эллэя, однажды сказала ему:

«Ты не в силах убить этого человека, так как при одном взгляде на него весь трясешься!» [Далее следуют испытание Омогона и выбор жены Эллэем.]

Культурные нововведения Эллэй и устройство им Ысыаха

- Эллэй поставил себе юрту на запад от Ытык-Кюёл и поселился там. Живя здесь в течение одной зимы и лета, он понаделал самую разнообразную посуду. Содрав бересту, он заставил жену сшить берестяную посуду. Сам из березового ствола понаделал разные виды кумысной посуды: из цельного дерева выдолбил чорооны с ножками в виде конских копыт и с выпуклой резьбой снаружи, сделал матаарчахи с густыми узорами, сделал кэриэн с фигурными украшениями, вытянутыми в ряд. Жена сшила «кыллаах-ыагас», узорчатый саар-ыагас, «сабарай» и разные ведра для коровьего молока.
- Когда наступило лето, они, выдаивая украдкой коров и кобыл Омогона, скопили кумыс и масло.
- Срезав молодые березки и лиственницы, Эллэй воткнул их рядами в виде улицы до самого дому. Затем, свив веревку из черного и белого волоса и украсив ее пучками белого конского волоса, натянул ее на воткнутые деревья.
- - После этих приготовлений позвали тещу. Она пришла лишь после второго приглашения. Взглянув на обзаведения зятя, она поспешила обратно к мужу, чтобы уговорить его взглянуть на диковинку. Старик сначала отказался, но, когда старуха пришла за ним вторично, пошел. Он был поражен всем увиденным у зятя, хвалил и восторгался им. Он тут же выделил ему половину своих лошадей и рогатого скота. Эллэй дал ему разнообразную посуду.

Начало культа дочерей Омогона

Две красивые девы, увидев посуду, также пошли посмотреть. Праздничное обзаведение Эллэя вызвало в них зависть к счастливой доле сестры.

«Если этакой дурнушке суждено быть столь счастливой, было бы гораздо лучше нам и не рождаться. С грядущего потомства я буду брать священную дань скотом определенной масти!»

Сказав так, старшая дева удавилась. А младшая со словами: «Я оставалась все время девой, так и в будущем я буду девой-божеством!»— тоже, говорят, удавилась. От Эллэя родились девять сыновей.

Паспортные данные те же, что и у текста № 41.

Омогон-Баай и Ого-Эллэй

Омогон-Баай, именитый богач, жил в этой стране на севере, на том же месте, где теперь стоит город (Якутск). Он имел жену и двух дочерей. Скота у него было очень много. Однажды к нему приплыл сверху на плоту человек по имени Ого-Эллэй, родом татарин. В те времена татары вели войну с русскими. От этой войны он и бежал куда глаза глядят. Раньше, говорят, он был образованным, но при поспешном бегстве забыл свою книгу. По прибытии он поступил работником к Омогону.

Эллэй как по наружности, так и по уму был выдающимся человеком, мастером на все руки. Прошло три года. Однажды старуха Омогона говорит мужу: «Я примечаю, что ты в присутствии своего работника проявляешь большой испуг». «Эй, старуха, разве человек может бояться человека?» — отпирается Омогон. «Нет, ты боишься, у тебя всегда при виде его появляется дрожь. Если желаешь удостовериться в этом, то поступи так, как я тебе скажу. Посреди урасы я разложу постель из белой конской шкуры с черным окаймлением, ты сядь на нее!» Старуха так и сделала. Когда Омогон сел, жена вручила ему в руки чашу с кумысом, наполненную до самых краев. Немного погодя вошел Ого-Эллэй и стал пред огнем, заложив руки за спину. Беседуют о том и о сем. Через некоторое время Омогон, взглянув на чашу, заметил, что кумыс в ней был уже на два пальца ниже краев. Когда Ого-Эллэй вышел на двор, старуха сказала мужу: «Разве не правда, что ты боишься Эллэя? Дрожь от страха, ты расплескал кумыс почти на два пальца. Если ты так боишься его, то как же мы будем жить? Теперь остается один выход: выдать за него замуж нашу любимую дочь; этим мы приблизим его к себе, и будет он нам за родного сына».

Настал вечер. После работ вошел Ого-Эллэй. Приступили к вечерней трапезе. Во время еды старик говорит: «Ну, дружок, ты столько лет прослужил у нас, тобой мы очень довольны, не согласен ли ты жениться на нашей младшей и любимой дочери?»

«Конечно, я охотно женюсь, если вы согласитесь выдать ту, которая мне понравится».

Проходит еще несколько дней. Ого-Эллэй каждое утро стал следить за тем, как обе девицы мочатся. Он заметил, что моча любимицы родителей изливается на землю, как обыкновенная вода, тогда как моча старшей вскипает пеной. По этой примете Ого-Эллэй решил, что последняя будет плодотворной и более счастливой. Остановив на ней свой выбор, однажды он обратился к хозяевам со словами:

«Я решил жениться на вашей старшей дочери-дурнушке!»

Любимица родителей была очень огорчена тем, что осталась в пренебрежении.

Омогон дал зятю двух коров рыжей масти и двух кобыл, сказав при этом: «Если бы ты взял дочь, которую мы лелеяли, досталось бы тебе все мое богатство, доля же дурной, простой девы не бывает лучше этого».

Ого-Эллэй, выделившись, поселился на север от Омогона, где поставил себе урасу.

Он понаделал из березового дерева разнообразную кумысную посуду. [Дальше перечисляются все виды этой посуды.] Все это нарядно украсил узорами и медными подвесками. Научил жену шить из кожи сири-исит с тремя обручами для хранения запасов кумыса, украшенную 77 медными подвесками. Смазали посуду желтым маслом'. Затем он сам из бересты сшил посуду «чабычахи» и ведра разных видов. Вообще все виды существующей у якутов посуды впервые были сделаны рукою Ого-Эллэя.

Лошади Омогона собирались около дома Эллэя, а жена его по ночам выдаивала их и копила кумыс.

Слепцов Кузьма, 62 лет, 4-го Мальжегарского наслега. Июнь 1921 г., остров Тиит-Арыы.

Устройство ысыаха

- Скопив изрядный запас кумыса, Эллэй устроил ысыах. Он наломал березовых веток и срубил три высокие березки. Две из них воткнул около кожаной посуды «кёгюёр» и крепко привязал ее за шейку к березкам. Позади камелька он тоже воткнул березку. Внутри урасы с правой стороны прикрепил в двух местах вверху пучки березовых веток, один над почетными нарами, а другой над средними нарами; затем прикрепил ветки у верхнего конца каждого столба урасы, свесил также вокруг камелька верхушками вниз, разостлал на козырьке камелька, на шестке и на полу в двух местах.
- По окончании всех приготовлений Эллэй позвал тестя с женой и дочерью. Все они пришли. Дочь Омогона, усевшись на правой наре [и обозрев праздничную обстановку], громко выразила свое неудовольствие:
- «Что это за странный обычай затевается!»
- Омогон с Ого-Эллэем подняли вверх чаши с кумысом в честь Уордаах-Джэсёгёя и других божеств. После каждого поднятия чаши капали кумыс на разостланные березовые ветки, наклоня чашу к себе; вслед за тем подходили к камельку и тоже капали на шесток. В середине обряда Омогона неожиданно свела судорога.
- Паспортные данные те же, что и у текста № 46.
- **№48 Судьба дочерей Омогона**
- Про Омогона рассказывают, что он переселился на другое место. Что случилось с ним, неизвестно. Его же дочь-любимица, по преданиям, вознеслась живою на небо и стала там корнем девяти злых, так называемых небесных дев, причиняющих людям разные болезни и несчастья.
- Эллэй же, разбогатев, размножил скот и стал предком людей. Обычай устройства ысыаха впервые ввел он. Только после него якуты познали богов [дословно — землю и небо]. Если бы он не забыл свои письмена, то якуты имели бы свое образование.

Эр-Соготох-Эллэй

Эр-Соготох-Эллэй бежал от войны вместе с отцом. Отец был слепой. Они перешли через обширные бурятские степи. Шли только по ночам, днем же, боясь, прятались. В той стране росла прекрасная трава, но воды совершенно не было. Беглецы утоляли жажду, собирая по ночам росу длинным холстом. У отца имелась деревянная книга; справляясь по ней, он указывал сыну направление пути. В дороге отец умер, но перед смертью указал сыну предстоящую дорогу и предсказал судьбу: «Идя так, дойдешь до реки. Дальше плыви по этой реке, доберешься до одного богатого человека. Позже ты станешь у него зятем, но из его дочерей ты выбери ту, у которой моча будет с пеной. Такая жена будет детной».

Эллэй книгу отца потерял. Приплыл в этот край, сев верхом на корягу. По прибытии поступил работником к Омогону, у которого были три дочери. Однажды жена Омогона сказала мужу: «Этот Эллэй, видимо, очень родовитый человек, голос у него какой-то внушительный. Когда он с криком пригоняет скот, мною овладевает дрожь. Надо бы сделать его нашим зятем».

Муж одобрил решение жены и выдал за Эллэя одну из дочерей. Другая же дочь повесилась.

[Дальше следуют общие места о дымокуре, об устройстве ысыаха, о приглашении Омогона на праздник.]

Омогон, придя на ысыах, остановился у дверей урасы, согнув одну ногу, закрыв один глаз. В таком искривленном виде он и остался. Когда Эллэй возгласил «урууй», выпал дождь.

Этот рассказ я слышал, будучи еще отроком, на неводьбе. Моему отцу рассказал его старик Джёсюёл. Он был совершенно седой, ходил, опираясь на посох.

Слепцов Николай, 79 лет, 4-го Мальжегарского наслега. Август 1921 г., остров Тиит-Ары.

Тойон-Омогой и белый шаман Аан-Эрэсэр

На юге жили киргизы. Как рассказывают, от них-то и бежал первым в наш Якутский край Омогой. Он привел с собой 20 семей. Жену его звали Аан-Сабыйа. У подножья южной Ытык-Хая [Почтенная гора] он нашел пару годовалых жеребят, самца и самку. Это были дары лошадиного бога [«сылгы айыысыта», точнее — размножающий, творящий лошадей], так как Омогой родился со счастливым уделом.

Он сам поселился в той местности, где ныне живут якуты Тулагинского наслега [Мегинского улуса]. Равнину, где теперь стоит город Якутск, он именовал Киэнг-Кюбэгэй-Хотун [широкая Кюбэгэй-Госпожа].

Содрав кору с растущих елей, он построил себе жилище, стены снаружи обмазал глиной. Из свежесодранной бересты он сделал себе чашу для пищи. Он дал ей наименование «логурхаан-аньах».

Отобрав из 20 семейств самых лучших и энергичных, он отправил на берег реки [Лены] промыслять рыбу. Они рыбачили, пользуясь плотами. Эти люди у мыса северной Ытык-Хая нашли пару годовалых телят, бычка и корову. Это были дары счастливому Омогою от Иэйэхсит. От этих двух пар скота у Омогоя расплодилось большое стадо.

От Омогоя родились две дочери. Старшую звали Лэкэ-Чангый, младшую Ньыкы-Харах. Первая, некрасивая лицом, воопитывалась в пренебрежении, а вторая, красивая, с любовью и в холе.

Среди соседей Омогоя родился айыы ойуна Аан-Эрэсэр [изначальный Эрэсэр]. Это был шаман, который при совершении священной пляски явно доходил до богов, покровительствующих размножению людей и скота.

Старинная рукопись, хранившаяся у якута 5-го Мальжегарского наслега Ивана Петровича Шадрина. Предание записано по-якутски.

Эллэй-охотник

Однажды весной, когда река уже вскрылась, работники Омогоя, находясь на рыбной ловле, увидели плывущие по реке утиные перья. Подумав и погадав, откуда и как могли появиться эти перья, работники рассказали об этом своему хозяину. Омогой, выбрав из своих людей девять лучших и разумных, отправил их разведать, откуда и от кого плывут эти перья.

Эти люди, дойдя до мыса южной Ытык-Хая, увидели голого человека, который сидел на берегу реки, прикрыв тальниковой кожурой лишь стыдливую часть тела. Судя по наружности, он был не простым человеком — чистой, благородной наружности, работников Омогоя он ответил так: «Я родом из татар, зовут меня Эллэем. Прибыл, услышав об Омогой-Баайе-Повелителе, чтобы кормиться у него работой. Сижу, стыдясь своей наготы».

На вопрос о том, как он ухитрился прибыть в этот край, он ответил:

«Приплыл по реке, сидя верхом на лиственнице с корневищем. К корню дерева я прикрепил связку тальника и ею правил».

Так как незнакомец был прекрасной наружности, работники Омогоя одели на него самую лучшую одежду, какую имели, и привели его к Омогою.

Пришелец поступил к последнему работником. Он оказался таким превосходным работником, что один легко справлялся с делом нескольких человек. Наша страна ему понравилась из-за обилия пищи и богатого промысла. Сделав себе арбалет, он ходил на охоту и приносил много всякой дичи. Чтобы успешнее шла его охота, Омогой подарил ему для верховой езды коня с особой отметиной на лбу.

Омогой любил Эллэя больше, чем дочерей, главным образом за то, что он был превосходным промысловиком. Впоследствии, как рассказывают, он выдал за него замуж одну из своих дочерей.

Книга отца Эллэя

Про Эллэя рассказывают, что он родом был татарин и прибыл в этот край с далекого юга. Его отец имел книгу и был образованным человеком. Умирая, в своем последнем слове он сказал сыну:

«Ты свою книгу не бросай и держи всегда при себе. Тогда ты выйдешь в люди! Ни под каким видом не расставайся с нею! Вот скоро ты доберешься до речки. Идя вдоль нее, придешь к большой реке. Привяжи себя к бревну и плыви по этой реке. Не погибнешь!»

Как и сказал умирающий отец, Эллэй добрался до упомянутой реки. У него не было даже топора. Он нашел дерево с корневищем, привязал себя к нему и поплыл. Когда он плыл, сидя верхом на нем, его отражение на воде принимало очертание человека, едущего верхом на коне сплошь белой масти.

Свою книгу Эллэй забыл на том месте, где похоронил отца.

Вот поэтому-то, говорят, он и остался человеком необразованным.

[Дальше рассказчик развивает общеизвестные сюжеты об Омогое. Он знает обычные и типические сюжеты об Эллэе и Омогое.]

Устинов Константин, 82 лет, 5-го Мальжегарского наслега.

Январь 1925 г., остров Хатынг-Арыы.

Прародители якутов Хонньос-Хайыппар и Хонгхор-Саара

У подножия Уральской горы жил человек по имени Хонньос-Хайыппар. У него было четыре сына.

Однажды он отправился на охоту. Из арбалета он застрелил птицу с пестрым и красивым оперением. Обципав птицу, он срезал два крыла и хвост. Двум сыновьям дал по крылу, третьему — хвост. Четвертый сын оказался обделенным и с плачем сказал:

«Он дал любимым сыновьям, а меня ни во что не ставит».

С тех пор он затаил в душе обиду на родителей и задумал уйти от них на другое место.

Хонньос-Хайыппар был татарин. У него имелся друг бурят по имени Хонгхор-Саара. Однажды Хонньос-Хайыппар рассказал своему другу:

«На северо-восток от нас, по всей вероятности, есть прекрасная страна. Там птицы проводят лето и очень поправляются».

С тех пор четвертый сын, не говоря ни слова своим родителям, исчез вместе с женой. Его звали Омогоем, и было ему около 70 лет. Омогой, бежав от родителей, нашел верховье нашей реки [Лены] и, сев на плывущее дерево, поплыл вниз.

Однажды Хонгхор-Саара опять гостил у своего друга. Опечаленный Хонньос-Хайыппар рассказал другу об исчезновении сына:

Масары ответил: «Вода».

Спрашивает дальше:

«Какая же веревка считается у вас самой крепкой?»

Масары ответил:

«Тальниковая вязь».

Те же вопросы задали и Нохто. Тот на первый вопрос ответил:

«Масло и жир», — а на второй сказал:

«Из кожи порога срезаем ремни, их крутим и сучим. Эта веревка считается самой прочной».

Царю больше понравились ответы Масары. Затем, находя неудобным сожительство двух врагов, расселили их по разным местам. Живут.

Масары думает про себя, каким бы способом добиться свидания с царем и получить от него разрешение ехать домой. Наконец нашел следующий способ обратить на себя царское внимание. Он сделал вид, что намеревается изнасиловать жену своего домохозяина. Поймали и привели к царю, сказав при этом, что он хотел совершить бесчестный поступок. Царь допрашивает:

«Как это ты осмелился на этот позорный поступок?»

Масары держит такой ответ:

«У себя дома с девятилетнего возраста я имел девять жен, с ними разлучился очень давно, потому, наверное, и появилось у меня непреодолимое желание. Только эта крайность могла быть причиной моего поступка».

Царь поверил, что он действительно мог иметь девять жен, и предложил ему выбрать одну жену из девяти женщин разных национальностей. Масары будто бы выбрал калмычку. В приданое за ней царь дал одного верблюда, подарил кортик и возвел его в княжеское звание.

По возвращении Масары на родину у него от жены-калмычки родился сын Ырья-Тэнийэ. Вторично он женился на якутке, от нее родились два сына: Баай-Баабыкый и Кюннэт-Кинээс. Кюннэт-Кинээс имел двух жен, но они долгое время были бездетны. Поэтому он пригласил из Вилюя айыы ойуна, не причастного ни к чему нечистому, чтобы совершить моление о даровании детей. Из Намцев пригласили другого шамана небожителей, чтобы при совершении «айыысыт тартарар» [обряд испрошения женских родов] исполнять обязанности «кутуруксута» [помощник главного шамана]. Моление совершали летом до Петрова дня, устроив предварительно праздник кропления кумыса в честь Юрюнг-Айыы. Совершая священнодействие, оба шамана вознеслись к Юрюнг-Айыы. Вот они добрались до Юрюнг-Айыы. Говорят ему [поют]: «Кюннэт-Кинээс, ниспосланный по твоей воле на среднюю землю, не имеет детей. Его две жены лишились способности рожать. Он послал нас с просьбой к тебе даровать ему детей». На это Юрюнг-Айыы ответил [рассказчик добавляет — «шаман говорит за него»]: «Его именитый дед [т.е. Тыгын] мешал размножению хорошего скота, дочиста истребляя его, не давал размножаться родовитым людям, постоянно уничтожая их. Поэтому я живу, не чувствуя к нему [к потомкам его] расположения». Шаман стал неотступно умолять божество. Наконец оно ответило: «Ну, пусть будет так: дарую ему сына по имени Айанныт-Ыстарыан, вторым — именитого Айгаан-Кюрююкю, который родится с назначением благоустроить землю» [дословно — поставить изгороди и построить жеребьячи хлева. Это выражение употребляется в разговоре в смысле управлять, привести в порядок]. Шаманы, обернувшись назад, стали спускаться. В это время задний шаман-намец, чуть приостановившись [как будто к чему-то прислушиваясь], бросил беглый взгляд куда-то в сторону. Старший, вернувшись на землю, сказал: «Я принес вам души двух детей, имена их должны быть такие-то». Старик Кюннэт-Кинээс вопрошает младшего шамана: «Не узнал ли ты какие-либо добрые вести, что нам скажешь?». Тот ответил: «Я слышал голос живущей внизу, Айыысыт, она говорит: «И я когда-то даровала им избранный, рослый скот, и я давала им плодовитое и знатное потомство. Почему вы ныне обходите меня сзади, как будто я увешана жертвенными шкурами для злых духов. Почему проходите мимо меня спереди, как будто сопку, населенную страшными духами? И теперь ведь не оскудела моя дающая рука!» На следующий день попросили младшего шамана совершить моление к Айыысыт. Он пришел к богине, умоляет и просит. Айыысыт сказала: «Я дарую им сына по имени Могой-Сыраан, вслед за ним крепкого и упрямого нравом, наподобие лиственничной крени, Кииллээйи-Сабарча, еще сына по имени Хара-Бытык Кетююнэп [Черная Борода Кетююнэп] и, наконец, четвертого по имени Тасыччы-Бэрт [свыше меры лучший, совершенный]. Затем, чтобы он не огорчался тем, что лишился удовольствия прибыть к коновязи иноплеменников [«омук» — иное племя, но обычно это слово употребляется и для обозначения людей иных улусов и дальних наслегов] свадебным гостем, я дам ему двух дочерей. Дарованные мною дети будут счастливы». С этими словами богиня дала шаману два камня «сата» (особые камни, якобы находимые во внутренностях разных животных, которые, по понятиям древних якутов, влияют на погоду) с особыми именами – «Кютэрчин» и «тагыалай» для прикрытия дороги детей (смысл последней фразы не удалось выяснить). При этом она просила положить эти камни на полки боковой матицы юрты и обещала после убрать их сама. Когда шаман вернулся от богини, на следующий же день выпал снег, образовавший покров толщиной на целую четверть («харыс» - расстояние между концами растянутых большого и среднего пальцев руки). Под тяжестью этого снега ветви всех деревьев поникли к земле. Через день весь снег растаял. Как сказано было шаманами, родились шесть сыновей и две дочери. Сына Айгаан Кюрююкю Кюннэт Кинээс дал своему старшему брату Баай Баабыкыю для усыновления.

Кииллээйи Сабарча был любимым сыном отца. Когда, он, плача, потягивался будучи двухлетним, его колыбель, сделанная из лиственничных досок, давала трещины. Кормили его молоком семи коров-стародоек, но и такое количество молока было для него недостаточно. Когда он вырос, из него вышел необычайно сильный человек.

МАСАРЫ

Ырья Тэнийэ		Баай Баабыкай		Кюннэт Кинээс	
Айанныт	Айгаан	Могой	Кииллээйи	Хара-Бытык	Тасыччы
Ыстарыан	Кюрююкю	Сыраан	Сабарча	Кетююнэп	Бэрт

Козлов Василий, 34 лет, 1-го Малтанского наслега. Июль 1921 г.

Софрон Сыранов Джокутаат

От Могой –Сыраана родился Семен-Эмийэ, вторым сыном был Софрон Сыранов, которого сокращенно зовут Депутат (Джокутаат). От второй жены Могой Сыраана, по имени Мыылалаах Тыкаа, родился сын Купча.

Софрон Сыранов три раза ездил в Россию (дословно «на юг»); югом, южной стороной якуты называли по преимуществу европейскую Россию, вообще далекую страну высшей культуры. Там он крестился, получил звание депутата и привез с собой особую грамоту. Он ездил представителем от якутов в Екатерининскую комиссию по составлению нового уложения в 1762г. Затем он принял обязательство платить денежные подати за землю. Рассказывают, что до него якутские земли не облагались податями. Он также имел особое право подвергать своих якутов телесному наказанию. За смерть людей от налагаемых им наказаний он не отвечал до двух случаев, только при смерти третьего человека он обязан был давать ответ и объяснения самому царю.

Сын депутата Додор еще при жизни отца по его грамоте ездил в Россию. С самим Сырановым ездил в качестве писаря Мордовской, а с Додором ездил якут Сатинского наслега Кылай бэлиэ.

Депутат Сыранов был главой над всеми якутами. С ним никто из якутов не смел тягаться, на кого взглянет косо, того мог подвергнуть телесному наказанию. При нем даже был особый человек, Аврам Корякин, который по его приказам наказывал людей розгами. Местожительство Депутата было в местности Бюппют. Масары и все его потомки были нашего Малтанского наслега.

Паспортные данные те же, что и у текста №74

Депутат

Депутат решил породниться с таттинским богачом и шаманом Яковым - Кыпчыкыын, женив своего сына Сымыыт Егора на его дочери сверх калыма при привозе невесты обязался заплатить «харамныи» в сто лошадей. При этом по старинному обычаю лошадей загоняли в специальную изгородь. Особо избранный сильный и ловкий человек с невестинной стороны голыми руками должен был схватить и остановить любого коня, кобылу или жеребца, из целого табуна. Отбирались лишь те, которых удалось поймать таким способом. Поимщик имел право накинуться на одно животное только три раза; если не удавалось ему остановить в третий раз, то животное оставалось за хозяевами.

Все сваты с невестинной стороны остановились станом в местности Кююлэ, раскинув урасу. Там же была построена новая изгородь на столбах для загона лошадей. Сначала загнали в изгородь табун, принадлежащий сыну Депутата Чюппюю. Его молодой жеребец имел гриву по всему хребту вплоть до хвоста. Поимщик харамныи три раза накидывался на этого жеребца, но каждый раз был опрокинут на землю.

Чюппюю, сын Депутата, не одобрял даровитости отца, дающего за невестку так много отборного скота. Когда он увидел, что поимщик свата ловит его любимого жеребца, вскипел и стал упрекать отца: «Господин Депутат, ты у таттинского шамана Якова-Кыпчыкыына, видимо выкрал сына или дочь и за эту покражу теперь отбываешь наказание уплатой дорогой виры?»

С этими словами он в сильном гневе опрокинул одну сторону изгороди выпустил загнанные табуны.

Шаман-сват по поводу поведения Чюппюю сказал: «Славный Чюппюю, хотя ты и сын депутата, но на будущий год, в пору осеннего подмерзания земли, я прибуду дорого стоящим гостем» (иносказательно говорит об отмщении).

После свадьбы и установления родственных связей гости уехали.

Чюппюю был необыкновенно дороден, весил говорят 12 пудов. Из многочисленных коней Депутата мог его сдюжить только один конь темной масти в корпусе, но с белой мордой и с белыми, наподобие неочищенных березовых кольев, ногами. Повод этого богатырского коня был сделан из крепкой лосиной кожи в четыре пальца шириной. На следующий год поздней осенью Чюппюю поехал верхом на этом коне осматривать свои табуны.

Когда доехал до урочища Тангара-Ыйаабыт [в переводе — место, где висит икона, изображение чтимого божества], вдруг с западной стороны неба поднялась черная туча, загремел гром, неожиданно засверкала молния над деревьями... Испуганный конь с диким ржанием стал неистово биться. Неожиданно раздался с неба голос:

«Чюппюю, скорей сходи с коня!»

Чюппюю изо всей мочи сдерживал взбесившееся животное, но вдруг крепкий повод оборвался и конь сбросил его на землю. При падении он повредил себе спинной хребет. Захворал и умер.

[Дальше рассказчик подробно перечисляет всех потомков Депутата вплоть до ныне живущих поколений.]

Масары – потомок Тыгына у русского царя

К русскому царю ездил якут Намского улуса по имени Нохто. Масары попросился ехать с ним в качестве слуги, варить для него пищу. Поехали. Масары, сварив пищу, нарочно опрокинул посуду с ней. Нохто побил его. Масары, выхватить нож, ткнул им несколько раз в своего господина, но каждый раз направляя удары вскользь. Спрашивают у Масары, зачем он напал на своего господина. «Ответ я дам самому государю. Я внук якутского царя Тыгына, а этот питающийся гнилым муксуном - намец Нохто притесняет меня!». Царь спросил его: «Какое у тебя имеется доказательство?». Масары в ответ показал одну голенную кость и кость кисти руки Чаллаайы. Он, завернув их в берестяной мешок, привез с собой. «Вот примета моего отца!». Ему говорят: «У нас тоже есть по одной кости от голени и кисти руки Чаллаайы». Когда сравнили кости, они оказались парными. Отправили его, возведя в сан начальника, от наказания же освободили.

У Масары был сын, который известен под именем Джокутаата [Депутата]. Он тоже ездил к царю.

На вопрос последнего: «Какая у вас лучшая веревка?». Он ответил: «Тальник».

«А из пищи?» - задают ему вопрос. Он ответил: «Вода».

Дальше царь спросил: «А сколько лет прошло с тех пор, как выпал первый снег на горе?»

На этот вопрос он сказал свой возраст. За его мудрые ответы ему дали звание депутата.

У Депутата был сын Чюппюю, который тоже ездил к царю.

Тыгын и Бэрт-Хара

Отца Тыгына звали Мунньан. У Тыгына был сын Чаллаайы. Бэрт-Хара – предок Харанского наслег, сын бедной старушки. Однажды Чаллаайы пришел к Бэрт-Хара и, увидев его игрушечный самострел, стал пробовать свою силу, но никак не мог довести тетиву лука до зарубки, хотя и тянул изо всей мочи.

Тыгын, отправив к Бэрт-Хара трех верховных послов на лошадях бело-молочной масти, пригласил его к себе. Тот пришел. Начались игры. Бэрт-Хара и Чаллаайы начали состязание в прыжках на одной ноге; первый вышел победителем. Чаллаайы при прыгании не оставлял никаких следов, а Бэрт-Хара уходил в землю по самую лодыжку. Состязались и в стрельбе из лука.

Поставили в качестве мишени железное стремя: стрела Бэрт-Хара вылетела, пронзив стремя насквозь, а стрела Чаллаайы застряла в нем. Затем открыли стрельбу ввысь; оба пустили стрелы при восходе солнца. Стрела Чаллаайы упала в пору полуденного удоя, а стрела Бэрт-Хара – перед вечерним удоем. Тынын выдал за Бэрт-Хара свою дочь Тыасааны, но она, не желая выйти за него, убежала. Бэрт-Хара догнал ее в Немюгинцах, в местности под названием «Поганая Лиственница».

Борьба Тыгына с хоринцами

Был человек по имени Хоро-Огонньоро; у него была красивая жена. Тыгын, желая овладеть ею, приказал истребить всю семью этого старика. Когда к нему пришли воины Тыгына, он улолял оставить в живых малого ребенка, но те не согласились.

Старик в своем предсмертном слове сказал:

«Наши луки издревле бывали вечно упругими, а тетива оставалась всегда напряженной. Ты, Бэрт-Хара, умрешь от хоринской стрелы!»

Истребили всю семью Хоро-Огонньоро, но бесследно исчез один из мужчин, который при входе воинов Тыгына в урасу спал, вздрагивая на целую ладонь при каждом напряжении спинной мышцы.

Бэрт-Хара со свадебным поездом направился домой. Когда доехали до северной Ытык-Хая, вдруг раздался свист летящей стрелы. Она вонзилась в середину его печени. Через два дня Бэрт-Хара умер от полученной раны.

Паспортные данные те же, что и у текста №81

№ 83 Истребление Тыгыном детей

Во времена Тыгына жила одна бедная старушка, вдова. У нее был сын, прозванный Муос-Уол. Некоторые рассказчики называют его Таас-Уллунгах. Когда этому мальчику исполнилось семь лет, Тыгын приказал застрелить его. Он опасался, что мальчик, возмужав, истребит его

Стр 88, продолжение 87 страницы ...

Другой младший брат Тыгына, по имени быркынгаа –Боотур, переселился на Вилюй тоже от притеснения брата. От него произошли тамошние Кангаласские наслеги. Так прежде рассказывали старики.

Паспортные данные те же, что и у текста № 94

№84 Тыгыниды

Бэрт-Хара – предок якутов Харанского наслега [Восточно-Кангаласского улуса] – жил во времена Тыгына. Он был человек необыкновенно сильный.

Сын Тыгына однажды поехал к нему померяться силой, но, устранившись вступить с ним в состязание, поспешил вернуться, оставив неразобранной лицевую половину своей урасы. У Тыгына была дочь Тыасааны-Удаган. Позвали Бэрт-Хара и выдали за него эту девушку.

Таас-Уллунгах – младший сын Тыгына. Он был необыкновенно быстр и проворен в беге. Однажды со своим старшим братом Чаллаайы ехал на своем знаменитом коне кроваво-красной масти с белой отметиной на лбу, а он был пеший. Однако он прибыл домой в Сайсары раньше брата. Тыгын, решив что он убил брата на Вилюе и потому прибыл один, пустил стрелу ему в спину и умертвил его.

Рассказывают, что в его пятках нашли камень.

Исаков Семен Никифорович, 68 лет, Жерский наслег, август 1921г.

85 Депутат [Софрон Сыранов]

Депутат поехал в Россию к царю в качестве работника с другим человеком [Рассказчик передает известные сюжеты о поездке потомка Тыгына к русскому царю, приурочивая их к личности позднейшего человека, Софрона Сыранова, жившего во второй половине XVIII в] Царь спрашивал у Депутата: «Какая веревка у вас, якутов, считается самой прочной?» На это Депутат ответил: «Тальниковая вязь». Царь спросил о лучшей пище. Депутат сказал: «Вода». Все ответы Депутата царю показались правильными. Вот потому-то ему и дали звание депутата. Рассказывают, что он нюхал табак. Поэтому царь подарил ему золотую табакерку [На вопрос о Масары рассказчик говорит: ... Он отец Депутата или его дед].

Паспортные данные те же, что и у текста № 84

№ 86 Муос-Уол (Из преданий о Тыгыне)

У Тыгына родился сын по имени Муос-Уол. Когда этот мальчик спал, то от его дыхания все вещи в доме приходили в движение. Когда засыпал в лесу, сила его дыхания клонила деревья и травы. Поэтому он всегда ложился спать под открытым небом. Тыгын, полагая что от такого человека после не будет житья, посоветовавшись с другими, умертвил его. Едва его осилили. Умирая он сказал: «Вы меня убили, но и сами скоро разделите мою участь.

Егорова Акулина, 75 лет, Хахсытский наслег, лето 1921г.

Бэрт-Хара и быстроногая Тыасааны, дочь Тыгына

Бэрт-Хара был из Борогонского улуса, сын бедных родителей. Обладал невероятной силой. Он попросил Тыгына выдать за него замуж свою дочь Тыасааны, но Тыгын ответил: «Неужели выдам ее за парня-простолюдина?»

Однако позже он изъявил согласие породниться с Бэрт-Хара, но на этот раз не захотела выходить замуж сама Тыасааны, имевшая возлюбленного из Бэстээх-Ууса. Боясь, что ее выдадут силой за нелюбимого человека, она приготовилась к бегству, оставалось только подшить подошвы обуви. Когда она сидела за этой работой, Бэрт Хара ее маленького брата следить за сестрой и сообщить ему, если она куда-либо отлучится. Она побежала по направлению к Ойуу-Хатынг. Хара пустился следом за ней и нагнал ее у Ойуу-Хатынг, но Тыасааны побежала дальше, Хара тоже не отставал. Пробежали уже 70 верст, а Хара все еще не может настичь и схватить ее. Тыасааны бежала по берегу Лены, но в местности Мохсоголлох-Хайа берег реки сузился и уперся в отвесные скалы. Тыасааны побежала на гору. Только здесь Бэрт-Хара, прорезав пальмой сухожилия ее ноги, догнал и овладел невестой. Вместе с ней он переправился на правый берег Лены, направляясь к себе домой. Однако Тыгын вслед за ним отправил своих воинов с приказом отобрать девицу. Воины настигли Бэрт-Хара у одной речки. Стали переговариваться через речку. Хара крикнул:

«Лучше давайте мириться, по доброй воле не уступлю вам деву!»

Воины говорят ему: «Тыгын приказал нам привезти тебя живым или мертвым, мы не можем вернуться, не имея доказательства того, что нагнали тебя!»

Тогда Бэрт-Хара предложил им выставить оружие Тыгына. Воины подняли его метательное копье. Бэрт-Хара с противоположного берега речки прострелил копье насквозь и попросил показать это Тыгыну. С этим знаком воины вернулись назад.

Тыгын ответил: «В стрельбе он меток, но я должен видеть его силу и ловкость в борьбе!» Затем он отправил своего сына Чаллаайы с войском, приказав привезти к нему Бэрт-Хара [Дальше рассказчик повторяет обычный сюжет – посещение Чаллаайы дома Бэрт-Хара в его отсутствие, устрашение размерами его детского лука, тетиву которого не смог натянуть Чаллаайы].

Побывав в юрте Бэрт-Хара, Чаллаайы в ту же ночь со своим отрядом бежал, оставив неразобранной половину урасы, обращенную к жилищу Бэрт-Хара.

Шадрин Иван Петрович, Хахсытский наслег. Июль 1021г.

№89

Рассказывают, что якутов нашего Хоринского наслега в древности было много. Разбрелись будто бы от потопа [рассказчик имеет в виду наводнение Лены], некоторые тогда выехали в горы.

Хоринцы своими предками считают 44 шамана и 44 кузнеца.

Шепелев Федор, 27 лет, Хоринского наслега. Январь 1925 г.

Тыгын и хоринцы

Тыгын был у якутов вроде царя. Он, но рассказам, уничтожил все потомство Хоро-Огонньоро и его самого.

Старик, умирая, будто бы сказал:

«Пусть в грядущем размножившиеся потомки хоринцев будут причиной вашей гибели!»

Затем еще рассказывают, что предок хориинцев убил Бэрт-Хара стрелой из засады на склоне Ытык-Хая.

Исаков Семен Никифорович, 68 лет, Жерского наслега. Август 1921 г.

№ 91

В древности Тыгын, собираясь идти войной на Бэрт-Хара, истребил предков современных хоринцев, чтобы окровавить свое оружие. От этого избиения спаслась только одна беременная женщина и родила ребенка в тайге, когда уже наступили холода. Она лежала па морозе чуть живая. В это время откуда-то с запада прилетел неожиданно черный ворон, держа во рту огниво с мешочком для трута, и уронил свою ношу как раз над женщиной. Благодаря этому та женщина спаслась от неминуемой смерти. Из ее ребенка впоследствии вышел смелый и храбрый воин.

Ввиду такой важной заслуги ворон стал божеством всех хо-ринских родов. Наши же малтанцы своим божеством считали орла.

Когда знаменитый Бэрт-Хара шел на угощение, устроенное Тыгином, этот хоринец подстерег его и выстрелил из лука. Умирая, Бэрт-Хара будто бы сказал:

«Я умираю от руки хоринца».

Аммосов Константин, 35 лет, 1-го Малтанского наслега. Июль 1921 г.

№ 92

Рассказывают, что во времена Тыгына жил человек по имени Хоро-Тойон, имевший пять сыновей и красавицу дочку. Тыгын хотел женить па этой деве Своего сына, по те не соглашались. Когда эта Дева плясала в местности Ойуу-Хатынг (березовая роща в 20 верстах на юг от г.Якутска в долине Лены, на землях Багарацкого наслега, смежного с Хоринским наслегом), побрякивание ее металлического наряда было слышно у озера Сайсары. Сыновья этого старика, не желая выдать сыну тыгына свою сестру и боясь его войска, бежали в разные стороны, кто на Вилюй, кто на Олекму. У себя на родине остался только младший из братьев, который и стал предком современных хоринцев (рассказчик понимает Хоринский нслег западно-Кангаласского улуса около г.Якутска).

В ту же осень он прибыл на родину. Здесь, возмужав, он одержал верх над всеми, ни один человек не мог соперничать с ним. Он обладал силой чарования и колдовства, был необычайно быстроног. Рассказывают, что он, подбежав к просителю, вонзал острие своей пальмы в его ступню и, опершись на рукоятку, вел с ним беседу. При этом хвалил тех, кто молча переносил боль. Затем, плюнув на рану, произносил заговор, и рана тут же заживала. Свое боевое оружие он не носил ниже поясницы, так как, по его мнению, нижняя часть человека нечиста. Если нарушать это правило, то оружие будто бы проникалось духом неистовства и кровожадности. Клинок оружия он завертывал чистой берестой в девять слоев.

Козлов Василий, 34 лет, 1-Малтанский наслег, июль 1921г

Дочери Тыгына

Жил Тыгын властелином края. Старший сын его Чаллаайы-Бёгё (Чаллаайы-силач). У него были ещё две дочери – Тынгаайы-Удаган и Таллай-Удаган.

В то время был ещё Бэрт-Хара, кажется, предок Намского улуса, сын бедных родителей, охотник. Чаллаайы поехал к Бэрт-Хара. Самого Бэрт-Хара дома не застал, была его старуха-мать, которая только что пришла из гостей, неся в карманах две задние конские ноги (Дальше следует эпизод с натягиванием тетивы лука). Наконец явился и сам Бэрт-Хара. Чаллаайы позвал его в гости к Тыгыну. Бэрт-Хара сказал: «Я бедный человек и не привык бывать в людях».

Но потом всё же согласился. Пошли. Тыгын предложил ему жениться на его старшей дочери Тынгаайы-Удаган. Но дочь, не желая выходить за Бэрт-Хара, убежала. Она была замечательно проворна в беге. Бэрт-Хара погнался за ней и настиг её у Ытык-Хая. Так он стал зятем Тыгына. Живут.

Однажды вторая дочь Тыгына, Таалай Удаган, стала пророчить о наступлении великой опасности и о скором прибытии людей с глазами, сидящими в глубине, и с носами, выдающимися вперёд. Она стала шаманить с намерением преградить дорогу пришельцам, поставив Ытык-Хая поперёк реки. Когда эта затея окончилась неудачей, она с горя бросилась в озеро, которое с тех пор и зовётся её именем.

Замятин Николай, 65 лет, Орсюдского наслега. Лето 1921 г.

№94. Из сказаний о Тыгыне

В старину Тыгын дал нашей равнине наименование: «Пусть эта земля именуется обширная Киллэм-Госпожа!»

Тыгын постоянно проживал в Кильдемской равнине (между селением Марха и г. Якутском), около озера Юрюнг-Кюёл. Рассказывают, что он приказывал наливать в это озеро молоко, чтобы сделать его молочным. Поэтому оно получило название Белое-озеро.

У нас про якутов Намского улуса существует такая поговорка: «питающиеся гнилыми муксунами (рыба) намцы». В старину они, вероятно, были рыбаками. В ста верстах от устья реки Вилля выше по Лене есть местность под названием Сииктэ. Вот тут-то они рыбачили.

Афанасьев Даниил Фёдорович, 75 лет, Кильдемского наслега.

Тыгын и его сыновья

Тыгын – позднейший потомок Эллэя из Кангаласского улуса. Он среди якутов не имел равных соперников. Бэрт-Хара, происходивший из Ботурусского улуса, служил у него витязем. Позже Бэрт-Хара был убит сыновьями Тыгына. Вообще Тыгын жил как полновластный царь якутов. Где увидит или услышит, что у кого-либо имеется скот или прочее богатство, тотчас же отправлялся к нему и отбирал силой.

У него, по преданиям, была дочь шаманка Тыасааны. Отец намеревался выдать ее замуж за Бэрт-хара, чтобы он был у него на положении сынка – зятя, ибо они (семья Тыгына) очень боялись его. Бэрт-Хара, опасаясь людей Тыгына, не спал. Однажды, найдя его за горой Чочур-Мураан спящим, сыновья Тыгына убили его.

У Тыгына было войско – до 200 человек. Из сыновей его самым сильным был Чаллаайы-Боотур. Старшего сына Тыгына звали Бечеке-Беге, а младшего – Усун-Ойун.

От Чаллаайы родился Масары, предок Малтанского наслега. Последний, как рассказывают, ездил на юг, в Россию, и был принят царем. Усун-Ойун, предок Кильдемского, Одунинского и Мытахского наслегов (западно-Кангаласского улуса). От Бечеке произошли Немюгинский и Орсюдский наслеги. Малляагар-Оххон, говорят, был брат Тыгына. От Джогуса (по-видимому сын Бечеке) родились Харынны, Идэлги, Осогостоох-Хосообо, Кырачаан, намылы, Нуоскалаах Сюедэй. Славнейшим из них был Идэлги, ставший князцом своего Немюгинского наслега.

Паспортные данные те же, что и у текста №94

Вражда Тыгына с братьями

Тыгын притеснял своего брата Малльагара. Тот сначала жил около города, затем переселился на остров Тарагай, пониже Тойон-Арыы.

Позже сам Тыгын вел войну с Дуураем, внуком старика Малльагара. Дуурай родился от Еркею. Он, по рассказам, одевался в железный панцирь. Тыгын не мог его осилить. Другой, младший брат Тыгына, по имени Быркынгаа-Боотур, переселился на Вилюй тоже от притеснений брата. От него произошли тамошние Кангаласские наследи. Так прежде рассказывали старики.

Паспортные данные те же, что и у текста №94

№ 97 Избиение Тыгином детей.

От Эллэя произошел Тыгын. От Тыгына родился Чаллаайы. Он воспитал у себя двух братьев, детей одной вдовы старушки: одного из них звали Таас-Уллунгах, а другого – Муос-Уол. Однажды решили убить Муос-Уола, однако обычным оружием нельзя было ни ранить, ни убить его. Спрашивают у его матери: «Где уязвимое место у сына?» Она ответила: «Все тело его покрыто будто рогом, лишь пониже левой подмышки заметно небольшое пятно, волнистое и мягкое».

Убили его, напав на сонного ... Затем решили убить и другого брата, Таас-Уллунгааха. Он успел скрыться, но повстречался в дороге со слепым на оба глаза стариком по имени Ильбис. Этот старик убил его, воткнув свой нож в самое его сердце. Перед смертью парень успел сказать последнее слово: «пусть отец (Тыгын) разрежет мягкий выступ моего большого пальца и самую середку ступени (дословно – «сердце моего большого пальца и глаз ступни») и проверит...»

Этого старика Ильбиса Тыгын приказал убить, предварительно содрав с живого кожу, и закопав в землю.

Рыкунов Осип Николаевич, 74 лет, 1-мальжагарский наслег. Январь 1925г., остров Тойон-Арыы.

Тыгын и Хара-Уол

Во времена Тыгына в вилюйском крае жил, говорят, человек по имени Хара-Уол.

Однажды Тыгын с сыном Чаллаайы и с людьми поехал на Вилюй и [в летнюю пору] недалеко от жилища Хара-Уола расположился станом, поставив свое походное жилище — урасу. Они попросили у Хара-Уола пищу. Тот явился, держа под мышками откормленного быка и целую лошадиную тушу, и поднес Тыгыну и Чаллаайы в качестве почетного угощения «юсэ» [дословный перевод этого слова — «тройка», но в данном случае это, по-видимому, забытый термин старинных обычаев, касающийся ритуала угощения почетных гостей. Вероятно, полагалось когда-то подавать к столу званых гостей три рода лучшей пищи].

После угощения Тыгын предложил Хара-Уолу показать свое искусство в стрельбе и повесил в качестве мишени стремя своего сына. Хара-Уол одним выстрелом ловко срезал ремень, на котором висело стремя. Увидев это, Тыгын с сыном тайком бежали. При этом они одну сторону своей урасы [обращенную к жилищу соперника] не сняли. Разобрали только противоположную сторону.

У Тыгына была дочь. Он решил выдать ее замуж за Хара-Уола. Послали за ним человека с просьбой прибыть. Прибыл... Встречают, подносят почетную чашу с кумысом, предварительно всыпав туда мелко изрезанный конский волос. Когда гость нагнулся к чаше, два человека, вооруженных батасами [мечевидное оружие с короткой деревянной ручкой], напали на него с двух сторон, но ни один удар не коснулся гостя. Наконец сам Тыгын остановил нападавших словами: «Эй, парни, зачем так бурно шутите?»

Сговорились насчет невесты, выдали с условием, чтобы Хара-Уол три года прожил при тесте, служа ему и промышляя для него. За все это время он мало спал [остерегаясь своих родственников], закрывал только один глаз. На исходе третьего года Ты тотчас же умертвите!»

Пошли искать и нашли его по храпу, который разносился с такой силой, как если бы шумел бурливый поток большой речки. Найдя, иссекли его пальмами; умирая, он успел сказать:

«Я стал бы для вас толстым, непроницаемым щитом и крепкой защитой, но судьба взыщет с вас, заставив пережить мою участь 1»

Избиение Дыгыном детей

У Дыгына был сын Муос-Уол. Тело его сплошь было покрыто рогом. Решив убить своего сына, Дыгын спросил у старушки, которая нянчила его в детстве:

«Где, в какой части его тело уязвимо?»

Старушка ответила:

«Под левой подмышкой имеется очень небольшое родимое пятно, ничем не защищенное».

По приказу Дыгына в это самое место его и закололи.

Дыгын убил своего зятя Хара-Уола. От него остался сын. Мальчик подрос и достиг пятилетнего возраста. Дыгын этого ребенка тоже возненавидел, он говорил про него:

«Когда рассказывают о смерти его отца, он сильно меняется в лице, необходимо и его убить!»

Мать, проведав о злом намерении Дыгына, взяла ребенка, двух коров с бычком-однолетком и бежала.

Добралась до Олёкмы и устроилась там на постоянное жительство. Вырыв яму, поставила туда коров и случила их с бычком. Спокойно прожила несколько лет. Мальчик уже достиг 15-летнего возраста.

Дыгын решил найти бежавшего внука. Взяв 40 воинов, он отправился на Олёкму. Прибыв туда, он послал к внуку гонца с просьбой явиться к нему. Гонец застал дома одну мать, а сын был на охоте. Когда пришел сын, мать говорит ему:

«Повелитель Дыгын, твой дед, вряд ли явился к нам с добрыми намерениями. Однако деваться некуда, иди повидайся с ним!»

Сын на это ответил:

«Если ему нужно видеться со мной, пусть пожелает сам, а я к нему не пойду!»

У парня имелся молоток, сделанный из камня, и наковальня — тоже из камня. Он стал ковать себе стрелы.

Около полуденного удоя показались Дыгыни с сорока всадниками. Парень, - jpp©: нщ\$|Щ\$д\$тдев^в^Д&ю; он выбежал во двор Jggi^ звоном бросил, и& 'зёй3Гю™г"ц%1у1б"кучу выкованного оружия. ""Взяв на изготовку свой лук, он опустился на одно колено и обратился к Дыгыну со словами:

«Дядя [деда по матери якуты называют общим термином «таай» — родня по матери, не отличающаяся от дядей], желаешь ли, чтобы я спустил свою тетиву?»

Дыгын ответил:

«Что ты делаешь, голубчик, зачем у тебя такие намерения? Ведь я прибыл только обозреть твои земли!»

В это время парень пущенной стрелой раздробил бабку верхового коня Дыгына. Последний выразил радость по поводу меткости внука, похвалил его. Затем из приведенных людей самых отборных, по выбору внука, оставил у него. На том они и помирились.

Ноев Лука, 74 лет, 1-го Мальжегарского наслега. Лето 1921 г.

Быстроногая дочь Дыгына

Дыгын, выдавая одну из своих дочерей замуж, устроил свадебное торжество. Для состязаний с чужеземными силачами у него не оказалось надежного человека, т. е. способного наверняка выйти победителем; поэтому он отправил своего сына

Бёдьюлю-Бёгё к намцу по имени Хара-Уол с просьбой прибыть на торжество и выручить, так как соберутся лучшие люди из иноземцев. Семья Хара-Уола состояла из него самого и старухи матери. Сын Дыгына застал дома одну старуху, а Хара-Уол ушел охотиться на зайцев. Услышав приглашение Дыгына, мать сказала:

«Где там моему сыну состязаться с лучшими людьми? Он человек маленький и худой, не пойдет!»

Бёдьюлю-Бёгё пошел обратно. По дороге он вдруг увидел охотника, несущего на спине громадного лося.

Быстро подъехав к нему на лошади, Бёдьюлю-Бёгё обратился с обычным приветствием:

«Рассказывай, приятель!»

Охотник, вздрогнув от неожиданности, ударил всадника своими рукавицами и повалил его вместе с конем наземь. Обиженный этим обстоятельством, Бёгё стал укорять охотника:

«За что же ты смешал меня с прахом?»

Охотник был Хара-Уол. Он, ссылаясь на то, что все это произошло нечаянно, попросил прощения. Затем, узнав о цели его приезда, согласился прибыть на свадьбу.

Исполняя свое обещание, он явился, выступил витязем со стороны Дыгына и одолел всех противников. Из пришлых иноземцев не оказалось человека, который мог бы устоять против него. Дыгын был очень доволен им и даже предложил ему жениться на одной из своих дочерей.

Согласившись быть зятем, Хара-Уол в течение трех лет ездил #3Двтяу/«вздодаая -ъ^яаШ&'ШчШ» т1Шк>йЭднако его невесте не соглашалась добровольно отдаться ему. Однажды она, проломив стенку урасы, выскочила наружу и побежала на юг по берегу Лены. Хара-Уол погнался за ней и едва настиг ее на Немюгинской равнине [в 60 верстах от г. Якутска, где было местожительство Дыгына]. Здесь под лиственницей он насильно овладел своей невестой. С тех пор это дерево и зовется «Греховная лиственница».

Жена родила сына. Живя у тестя, Хара-Уол опасался засыпать дома. Временами он куда-то отлучался и пропадал. Дыгын догадывался, что зять уходит в лес спать. Однажды в пору его отлучки Дыгын отправил своих людей в западную тайгу с приказом разыскать там спящего зятя и умертвить. Люди Дыгына, найдя в лесу сонного Хара-Уола, отрезали ему обе ноги и умертвили.

Бэрт-Хара

Бэрт-Хара по происхождению, говорят, был из племени [или рода] Хара. Он отличался большой силой и вообще был человек особо выдающихся качеств. Однажды Тыгын, кочуя со скотом

в районе местожительства Бэрт-Хара, призвал его к себе. Бэрт-Хара прибыл и стал его зятем. Он прожил у Тыгына три года, исполняя все его поручения. Так, он по приказанию Тыгына убил двух богатырей. Одного из них звали Кытах-Тюёс. Сын Тыгына Чаллаайы провожал Бэрт-Хара к местожительству Кытах-Тюёса. На высоком мысу около урочища Ойуу-Хатынг они привязали трех беломордых лошадей пепельной масти, чтобы на обратном пути Бэрт-Хара мог отвести на них дух боевого неистовства.

Чаллаайы, не доходя до местожительства богатыря 30 верст, остался выжидать исход боя. При этом Бэрт-Хара предупредил его так:

«Если я останусь жив, через три дня издам неистовый крик. Услышав его, тотчас же убегай, как позволит тебе проворство и сила».

И действительно через три дня раздался громкий крик победителя. Чаллаайы пустился бежать со всех ног, а Бэрт-Хара помчался следом за ним. Чаллаайы едва успел добежать до привязанных лошадей и тем лишь избежал неминуемой смерти. Бэрт-Хара, одержимый духом боевого неистовства, накинулся на этих коней, разорвал их руками на мелкие кусочки и разбросал вокруг. Только после этого он пришел в себя и спокойно возвратился в дом.

По истечении трех лет он должен был вступить в супружеские права. Но дочь Тыгына успела вырваться и пустилась бежать. Бэрт Хара погнался за ней. Он догнал жену лишь в Немюгинской равнине (в 60 верстах от местожительства Тыгына) и осилил ее, сильно побив [мечом] по плечам. Рассказывают, что сам Тыгын прикочевал на это место и устроил пиршество окончания периода зятевства. Большая лиственница, около которой Тыгын раскинул свой стан, говорят, стоит и теперь.

Алексеев Гавриил, 54 лет, 1-го Мальжегарского наслега. Лето 1921 г.

Сын Тыгына Таас-Уллунгах

Тыгын — позднейший предок якутов. Он был человек знатного рода, богач и богатырь собой. Всякого, кто был ему не по нраву, немедленно осуждал на смерть.

Имел он сына по имени Таас-Уллунгах. Это был доблестный муж, лучший из всех его сыновей. Он жил в Кильдемской равнине.

Однажды у Тыгына пропал знаменитый конь. Тыгын говорит:

«Другому, постороннему человеку этот конь не дал бы поймать себя, не иначе коня украл Таас-Уллунгах».

Он приказал построить высокий забор. Затем устроил игры-соревнования и пригласил сына. Затеяли стрельбу в цель, соревнуются в стрельбе в высь. Стрела, пущенная самим Тыгином, упала

на крышу амбара. Он попросил Таас-Уллунгаха подняться на верх амбара и достать его стрелу. Когда он поднялся, по приказу Тыгына, не давая ему спуститься, открыли по нему стрельбу. Но Таас-Уллунгах все пущенные стрелы поймал руками и, соскочив с амбара, пустился бежать по направлению к дому. Убежал.

У Тыгына был табунщик, старик по имени Кыычыкын, который раньше был воспитателем Таас-Уллунгаха. Завели разговоры с этим стариком [по поводу умерщвления Таас-Уллунгаха]. Кыычыкын, выбрав удобный момент, когда Таас-Уллунгах не подозревал об опасности, всадил в его горло свое оружие. Таас-Уллунгах, умирая, сказал:

«Только ты превзошел [перехитрил] меня. Я умираю, но скажи им, чтобы, разрезав, осмотрели мою ступню и концы пальцев руки!»

Табунщик Кыычыкын пришел к Тыгину и бахвалился:

«Вы не смогли убить червя, который только вчера вышел из заднего прохода, но то, что вам было не под силу, осилил я!»

Тыгын приказал связать старика, думая, что он врет. Пошли осмотрели. На концах всех пальцев и внутри ступни убитого нашли камни. Только тогда пожалели об убитом и сказали:

«Этакого человека убил табунщик Кыычыкын без нашего ведома!»

Затем, говоря: «Пусть да будет он, Кыычыкын, источником, возбудителем кровопролития в грядущие века!»— убили его.

Ноев Лука, 74 лет, 1-Мальжагарского наслега. Лето 1921г

Тыгын-воитель и его боевые кони

Тыгын имел много войска. Однажды он с большим отрядом ходил на Виллю. Идя по нему, дошел до верховьев и возвратился назад потому, что по реке пошла шуга. Ездил он искать народ, воевать. Затем отправился с отрядом далеко на восток; вернулся, будто бы услышав колокольный звон, приняв его за голос богатыря.

Имел он двух боевых коней, закованных в латы. Один, на котором ездил он сам, был гнедой масти и назывался Абытай-Прагас. Когда Тыгын-старик собирался на войну, конь чуял это: за семь дней и, поднявшись на гору Чочур-Мураан, сам вывя-львался [не кормился, тренируясь для бега]. Рассказывают, что и этого коня был вселен дух Илбис-Кыыса, который и заставлял коня готовиться к бою. Другого коня, на котором выезжал его сын Чаллаайы, именовали Хара-Уол.

Каждый год, когда показывалась зеленая мурава, Тыгын устраивал ысыахи, а когда пожелтеет трава, выступал на войну. Пока природа стояла зеленой, он воздерживался от кровопролития, считая это греховным.

Стоило ему лишь услышать, что где-либо родился и живет известный человек, он тотчас же отправлялся туда и убивал его.

Семенов Платон Саввич, 41 года, 2-го Мальжегарского наслега. Январь 1925 г.

104 Бегство якутов от Тыгына

(Предание о происхождении виллюйских якутов)

У Тыгына были два соседа — Быркынгаа-Боотур и Дуога-Нойон.

Однажды у него пропал один из его боевых коней — Хара-Уол. Кто же может решиться украсть и заколоть коня Тыгына?

«Конечно, это мог сделать только Дуога-Нойон», — решил он и приказал тотчас же привести его к себе. Привели, допрашивает Тыгын. Тот признался и дал такое объяснение:

«Твоего коня хотели украсть хоринцы. Они поймали его и, разжегши четыре костра, обожгли хвост и гриву; в таком виде конь сорвался с привязи, и, когда он скакал мимо меня, я принял его за лося и застрелил».

Старик Тыгын тут же вынес приговор:

«За восемь длинных, трубчатых костей заплати 80 лошадей, а осенью, когда пожелтеет верхушка трав, за вину взыщи еще с твоего тела и крови!» [Т. е. подвергнет телесному наказанию.]

Тогда два соседа, Быркынгаа-Боотур и Дуога-Нойон, чтобы избежать наказания, решили бежать на Виллю. Часть

своих жен и детей они оставили, взяли на плечи свои седла, погнали вперед рабов и пошли, питаясь по пути дичью и промышляя рыбу. Добрались до дома одного богатого человека. Остановились табором на мысу, разжегши там большие костры. Увидев женщину, которая искала коров, заказали послать им кумыса. Старуха, жена богача, сказала:

«Отнесите путникам тушу четырехротового быка и один кожаный симиир с кумысом!»

Но муж наотрез отказался что-либо послать. Пошли дальше, попросив передать богачу:

«Осенью в период жесточайших заморозков пусть живет остерегаючись, ибо тогда мы прибудем к нему дорого стоящими гостями!»

Наконец они добрались до Виллю и там, облюбовав себе место при устье речки Тюнг, стали устраиваться на зиму, запасать сено и т. д.

Там, когда Дуога-Нойон скатывался по склону горы, к его дохе откуда-то приставала шерсть лошадей и рогатого скота. По той примете они решили, что в этой стране позже размножится разный скот.

Затем они промеж себя решили:

«Того негодяя [дословно — „абаасыны" — беса, черта] нужно истребить, оставив лишь с нужными рабами старушку».

С таким приказом Быркынгаа-Боотур отправил в поход своих рабов к тому богачу, который отказал в гостеприимстве путникам.

Посланные добрались, убили старика и истребили весь его народ, а все его богатство пригнали с собой. Дуога-Нойон пошел встречать посланный отряд в трех днях пути от своего местожительства. Увидев, что воины с собой ведут двух захваченных девиц, он тут же отрубил этим девицам головы, сказав: «Люди, взятые из среды ваших кровных врагов, добром не уживутся с вами!»

Рассказывают, что виллюйские якуты размножились от этих двух беглецов.

Борьба Тыгына с намцами

Во времена Тыгына в Намцах жил шаман по имени Атарба. Тыгын начал войну с этим шаманом. Последний, услышав, что к нему идет Тыгын с отрядом, сказал:

«У боевого коня Тыгына на лбу имеются три отметины, из которых средняя является уязвимым местом».

И приказал старшему сыну целиться в эту отметину. Вот Тыгын во главе своего отряда въехал во двор шамана.

Шаман своими чарами заставил коня споткнуться: взметнулась вверх челка и через край железной покрышки обнажилось на миг лобное пятно. Сын шамана успел поймать этот миг, и стрела его поразила коня насмерть, а сам старик Тыгын едва успел прикрыться своей пальмой.

Тыгыну долго не удавалось убить этого шамана. Он каждый раз, как настигали его, уходил в землю. Только однажды он как-то зацепился ногами за корни растущего дерева, тут его поймали и убили.

Паспортные данные те же, что и у текста № 103.

№ 106 Избиение Тыгином детей

В Намцах у одной бедной вдовы родился мальчик, назвали его Муос-Уол [роговой парень]. Тело его было прочно повсюду, как будто покрыто рогом. Он спал, не просыпаясь, в течение целого месяца.

Тыгын, желая убить этого ребенка, поймал его мать-старуху и стал выпытывать, где, в какой части тела ее сын имеет уязвимое место. Старуха вынуждена была сказать:

«Только слева под мышкой имеется одно маленькое пятнышко, мягкое на ощупь. Это я заметила, когда он был еще грудным ребенком. Все остальное его тело непроницаемо для оружия».

Когда мальчику исполнилось \;емь лет, Тыгын нашел его спящим под прикрытием плит и тут же заставил заколоть в указанное место.

Затем Тыгын приказал убить другого ребенка, тоже в семилетнем возрасте. Этот ребенок имел на лбу сияние, подобное солнцу, а на затылке — сияние, подобное луне, волосы же его были кудреватые. Убили его, вонзив копьё в спину. По поводу этого убийства в старину говорили будто бы, что ребенок родился с на значением быть якутским королем, а Тыгын умертвил его потому, что судьба предназначила якутам оставаться в ничтожестве.

Однажды Тыгын выехал с отрядом к Бэрт-Хара. Когда подъехали к его дому, он стоял на дворе и колот дрова.

Тыгын говорит своим людям:

«Эй, парни, окровавьте здесь свое оружие!»

Стали стрелять, но Бэрт-Хара каждый раз ловко подставлял топориче и ловил все стрелы руками. Увидев это, Тыгын остановил своих людей словами:

«Оставьте его в покое, это невиданное страшилище!»

Потом он будто бы пригласил Бэрт-Хара к себе и выдал за него свою дочь. Бэрт-Хара имел обыкновение спать в продолжение целого месяца. Тыгын тоже заставил убить его из засады. Вообще он не терпел около себя все совершенное и лучшее. Значит, с таким назначением и родился.

Потомки Тыгына у русского царя

Русский царь приказал разыскать среди якутов кровных родственников Тыгына и привезти к нему. В Намском улусе нашли одного богатого якута и в качестве потомка Тыгына отправили к царю. В то время Масары было 17 лет. Ему как-то удалось познакомиться с русскими, и он сам попросился ехать с тем намским якутом в качестве слуги — сушить его обувь, а также исполнять обязанности стремянного.

Царь принял намца очень милостиво, подарил ему умывальный таз из хрустала. Как-то однажды Масары, исполняя обязанности слуги, выронил и разбил этот таз. Его господин разгневался на него, а Масары основательно побил его. Намец принес жалобу царю. Тот призвал Масары и потребовал ответа: «Почему ты побил своего господина?» Масары ответил: «Этот намский якут приехал к тебе обманом: его дед у моего деда служил работником, я же — прямой внук Тыгына. Если не верите, то вот доказательство!.. »

При этом он будто бы показал привезенные им кости от кисти руки и голени своего отца Чаллаайы. Сравнил их с теми костями, которые были привезены ранее, и они оказались парными...

Царь дал Масары кортик и возвел в звание великого князя. Затем отправил его обратно на родину. Могила Масары находится в местности Уулаах-Аньяга.

Паспортные данные те же, что и у текста № 103.

№ 108 Испрошение детей через шамана

Внук Тыгына, Масары, имел двух жен. Жены были бездетны. Однажды он пригласил двух айыы ойуна для совершения моления Айыысыт. Когда шаман совершил камлание, Айыысыт через шамана сказала:

«Когда мы даровали ранее счастливых людей и скот, его дед все это истреблял... поэтому признаем их согрешившими».

Тогда Масары попросил второго шамана небожителей, который при первом молении исполнял обязанности помощника, совершить путешествие к Уордаах-Джэсэгёю с той же просьбой.

Уордаах-Джэсэгёй даровал двух сыновей и дочь. О первом сыне было сказано: «Держащий в руках светлый волос Айанньыт-Ыстарыан», о втором: «Чтобы с первым братом одновременно рос Айгаан-Кюрююкю». «Дочь же даем, чтобы наше дитя имело возможность видеть почетную коновязь иноплеменников. Если он довольствуется двумя детьми, пошлем ему камень сата.

Когда оба шамана находились уже на обратном пути, спускаясь на землю, задний из них, исполнявший обязанности помощника, вдруг остановился, как будто к чему-то прислушиваясь. Когда его спросили, к чему он там прислушивался, шаман ответил: «Страшный, грозный Сюгэ-Тойон вопрошал: «И я когда-то даровал им детей и людей. Почему теперь они стали обходить меня?»

Масары попросил этого шамана совершить путешествие к названному божеству. Божество даровало им следующих детей: Со сгустком крови в руке, окровавленный аркан на локте держащего Сабарча-Киилээна, второго сына Хара-Бытык-Кючююнэка и дочь по имени Учугас-Кёстёех».

Получили еще один камень сата.

Когда кинули эти два сата, в летнюю пору, в период жгучих жаров, выпал снег толщиной в четверть. Снег этот будто бы пролежал в течение девяти дней, из-за чего погибло тогда много скота.

Те две дочери, которые родились по обещанию божества, были настоящими бесовскими порождениями. Позже они исчезли.

Семенов Платон Савич, 41 г., 2-го Мальжегарского наслега. Январь 1925 г

Заселение якутами Вилюя

Во времена владычества Тыгына несколько семей якутов бежали на Вилюй. С этими беглецами был один человек, великан по росту, но пролежавший целых 30 лет калекой. Под него были взяты 25 коней, из которых 20 пали в пути. Беглецам преградила дорогу очень быстрая речка с обрывистыми берегами. Брода не было, пришлось переправляться вплавь. Калеку же с одним слугой посадили на пень и бросили на произвол судьбы.

Калека до того был также и нем, но когда ушли его люди, он вдруг закричал: «Хай, хай, Кутаалыма!» И одним прыжком очутился на противоположном берегу. Прежняя расслабленность с тех пор прошла, и он оказался здоровым и необычайно сильным богатырем. Он присоединился к остальным беглецам.

На Вилюе в то время жил какой-то неизвестный народ. Пришельцы всех их побили, оставив только одну женщину необычайной красоты. Воины, захватив ее, сначала прятали, но потом показали своему вождю [бывшему калеке]. Тот, увидев ее, выхватил копье и со словами «Порождение варнаков будет варнак, по томок дрянных людей будет той же дрянью» тут же заколол ее. Овладев угожьями и богатством старожилов, пришельцы поселились здесь. От них расплодилось современные вилюйские якуты.

(Это же предание со слов К. Слепцова записывалось мною вторично в июне 1923 г. Повторный рассказ Слепцова дает большие расхождения с приведенным выше. Ниже помещаю перевод

Его вторичного рассказа).. Один из них 30 лет пролежал калекой... Они-то, страшась Тыгына, бежали на Вилюй. Калеку повезли верхом на коне. Под ним [в пути] погибли 17 лошадей, у них под тяжестью его ломались спинные хребты. Добрались до одной речки. Его [калеку] не смогли переправить; срубили толстую лиственницу и посадили калеку на ее пень, тут его и оставили с одним человеком, который должен был варить ему пищу. Когда все ушли, калека, схватив своего повара, привлек к себе, вырвал его голову и начал пить кровь, струившуюся из спинной аорты. Напившись крови, он троекратно издал крики: «Сууккайа!.. Кутаалыма!..» [Первое слово — возглас понукания, подбадривания себя, а последнее — непереводимо.] Вслед за тем он одним прыжком перемахнул через речку. Ноги его оказались вполне здоровыми, и он стал отменным, сильным человеком. Он догнал своих...

Прибыли на Вилюй. Там проживали три брата. Они встретили враждебно. Пришельцы истребили трех братьев... [Спустя некоторое время несколько человек [по-видимому, из челяди], придя [к бывшему калеке], говорят: «У трех убитых братьев осталась сестра, женщина неопикуемой красоты...» Оказывается, до того ее прятали от начальника... [Дальше моя запись обрывается многоточием. По-видимому, Слепцов повторил известный мне сюжет об убиении этой женщины.]

Слепцов Кузьма, 62 лет, 4-го Мальжегарского наслега. Июнь 1921 г., остров Тиит-Ары

Тыгын

Тыгын жил, как рассказывают, в той самой местности, где теперь расположен город Якутск, будучи царем и главой якутов. Он был очень богат и обладал огромной силой.

На севере, за рекой [Леной], жил знаменитый человек по имени Бэрт-Хара. Проведав о нем, Тыгын вместе с сыном Чал-лаайы прикочевал со скотом к месту его жительства. Он думал, что такой человек в будущем, наверное, не оставит их [семью Тыгына] в покое, почему необходимо заранее умертвить его. Расположившись вблизи дома Бэрт-Хара, Тыгын отправил к нему Чаллаайы. В урасе его самого не было, там находилась только мать, старуха огромного роста. Около урасы Бэрт-Хара Чаллаайы увидел большой лук, ф от имени своего отца попросил Бэрт-Хара прийти и погостить у них.

На следующий день Бэрт-Хара явился к Тыгину, предварительно пройдя через расщепленную часть соснового дерева. Он по мог пролезть в двери урасы и присел на одно колено у дверей. Тыгын попросил свою старуху подать гостю кумыс, а сам стал разгуливать внутри урасы. Когда Бэрт-Хара нагнулся к чаше, Тыгын, неожиданно выхватив свою пальму, замахнулся, метясь и его темя. Но тот быстро уклонился, и пальма, просвистав мимо, поя ушла в землю. Бэрт-Хара сказал:

«Видимо, старец, ты позвал меня, чтобы вероломно убить? Мели желаешь сразиться, я готов, посмотрим, кто кого осилит?»

Тыгын возразил на это: «Успокойся, дружок, это я только пошутил, желая убедиться в твоём молодечестве!»

Бэрт-Хара предложил, чтобы показать свою меткость в стрельбе, поставить ему мишень. Тыгын положил на пень стремя ступицей вперед. Бэрт-Хара выстрелил и с очень большого расстояния расшиб стрелой стремя вдребезги. Затем отправился домой.

Тыгын, убоявшись Бэрт-Хара, в ту же ночь ушел восвояси. Бэрт-Хара на следующий день, заметив бегство Тыгына, пустился по его следам в погоню, но по пути наткнулся на протянутый поперек дороги жертвенный шнур «салама», тут же были привязаны девять лошадей. Это сделал Тыгын в знак того, что будет чтить Бэрт-Хара и не будет ходить на него войной. Бэрт-Хара остановился, однако на следующий день стал продолжать погоню. Но опять увидел протянутый шнур и три лошади. Наконец Бэрт-Хара угомонился и, бросив погоню, вернулся домой. Тыгын же благополучно добрался до места своего постоянного жительства, в окрестности теперешнего города Якутска.

Тыгын и тунгусы

Тыгын сосватал одну из своих дочерей, красавицу Тыасааны-Куо, за тунгусского витязя. Свадьбу назначили через девять дней. Тунгусы предложили Тыгину найти витязя, который мог бы вступить в состязание с тунгусским богатырем при обряде «нерюен керсюютэ». Тыгын послал гонца к Бэрт-Хара с просьбой выступить борцом против тунгусского витязя. Бэрт-Хара отказался. Тыгын попросил вторично, но тоже безуспешно, только после третьего предложения он согласился, но с условием поставить для него отдельную урасу, дать людей для услужения и вооруженный караул. Тыгын согласился.

Тунгусы прибыли. Началась борьба. Борцы начали сходиться, тунгусский витязь, покрытый кожей лося, а Бэрт-Хара — ровдугой. Последний легко смял тунгуса, поломав при этом его восемь ребер. Направляясь в свою урасу, Бэрт-Хара неожиданно упал навзничь с криком приготовиться к бою. Тыгын тотчас же собрал своих вооруженных людей. Но испуганные тунгусы взмолились, обещая отыскать виновника несчастья. Наконец, разыскали они в своей среде шамана, который силой своих духов повредил ногу Бэрт-Хара. Он совершил камлание и извлек из ноги Бэрт-Хара подкинутую им причину болезни. Однако Тыгын и Бэрт-Хара решили, что мирная жизнь с тунгусами невозможна, и, бросившись на них, истребили всех явившихся.

Тыгын, упрашивая Бэрт-Хара выступить на борьбу с тунгусским витязем, в случае победы обещал красавицу Тыасааны выдать замуж за него. Но сама Тыасааны соглашалась быть его

женой лишь при условии, если он обгонит ее в беге на расстоянии 20 верст. Бэрт-Хара согласился состязаться с нею.

Вот они пустились бежать. Дева все время была впереди, Бэрт-Хара был не в силах догнать ее. Наконец он взмолился:

«О, дева, остановись! Разве не будет чудовищно [если ты не дашь обогнать себя]? Опомнись, разве мы не созданы друг для друга? Говорят, на небе есть бог, коему молятся, а внизу — дух земли. Не объединили ли они заранее нашу жизнь?»

Услышав эти слова, дева сразу остановилась. Они вошли в дом, держа друг друга за руки. Тыгын выдал за Бэрт-Хара дочь, отказавшись от всякого калыма и свадебных подарков. К тому же Бэрт-Хара был бедняк и жил только охотой. Тыгын выделил дочери богатое приданое.

Паспортные данные те же, что и у текста № 109.

№ 112 Муос-Уол

У Тыгына родился сын, тело которого было непроницаемо для оружия, он был как бы вылит из рога. До семилетнего возраста воспитывали его отдельно на том самом кургане, который стоит теперь около города Якутска.

Тыгын с сыном Чаллаайы решили убить этого ребенка, думая, что такое необычайное дитя, став взрослым и превосходя их своей силой, не даст им житья. Проведав о злом намерении мужа, жена Тыгына спрятала сына в лесу за Ытык-Хая. На вопросы мужа о том, где спрятала сына, она отвечала, что не ведает, где он.

Тыгын стал пытаться се раскаленным железом. Под пыткой она указала место, где спрятала сына, а на вопрос же, в каком пункте уязвимо его тело, ответила:

«Когда ему было около года, я заметила на левой стороне под мышкой открытое тело величиной с копеечную монету».

Тыгын отправил работника-пастуха с приказом отыскать и убить мальчика. Пастух нашел его и заколол в указанное матерью уязвимое место. Муос-Уол умер со словами:

«Меня вы убили, но, когда явятся к вам люди с глубоко сидящими глазами и вперед выдавшимися носами, вы пожалеете о моем отсутствии!»

Русских привели тунгусы.

Однажды зимой сын Тыгына, Чаллаайы, встретил двух тун-и > (т.ких витязей. Последние бросились бежать, а Чаллаайы по-гил.к и за ними. Добежали до Мохсоглоох-Хая. [Соколиная скала, тi годится в 87 верстах выше г. Якутска, на левом берегу Лены.]

Оба тунгуса были на лыжах. Они бросились с вершины скалы вниз; один из них при падении сломал себе ногу, а другой остался невредим и ушел от погони. Эта скала до сих пор именуется «Скала полета тунгуса».

На следующий год летом этот тунгус появился на правом берегу Лены. Чаллаайы увидел его с левого берега. Тунгус побежал вверх по правому берегу реки, а Чаллаайы погнался по левому берегу. Тунгус добежал до горы Кыыс-Хая [Девница-гора]. Сидя •на самой верхушке горы, он стал поносить своего противника и грозить ему. Приставив кулак к носу, он кричал:

«Ужо тебе, живи, остерегаясь, я приведу к вам людей вот с такими носами!»

Чаллаайы, схватив огромный булыжник, кинул им в тунгуса. Камень, перелетел через реку, упал на середине склона горы и скатился вниз. Камень этот до сих пор лежит под Кыыс-Хая и известен под названием Камень Тыгына. Тунгус ушел. Он привел потом русских.

Паспортные данные те же, что и у текста № 109.

№ 114 Семья Тыгына

Тыгын жил между двумя Ытык-Хая. Жену его звали Ныкыйа. Они жили привольно, прогуливаясь на равнине, прилегающей к Талому озеру, а у озера Сайсары, разгоняя скуку.

У них были три сына — Чаллаайы-Бёгё, Усун-Джурантай и Сюрюк-Дэргийзея, три дочери — Кыасааны –Удаган, красавица Кыасаайык и прекрасная из имеющих очи Хаачылаан.

Сам Тыгын был богатырского сложения: расстояние между обоих глаз — одна четверть, рост его равнялся трем ручным сажням.

Кириллин Дмитрий Федорович, 45 лет, Нахарского наслега.

Напечатано по-якутски в № 5 и 7 газеты «Якутская жизнь» за 1908 г.

№ 115 Тыгын и Бэрт-Хара

Однажды Тыгын с сыном Чаллаайы на правом берегу Лены наткнулись в одном месте на урасу. Снаружи висел рогатый лук. Чаллаайы попробовал было натянуть его, но был не в силах сделать это. В урасе сидела старуха-великанша. Она сказала, что лук принадлежит ее сыну, который отлучился на охоту. Тыгын попросил ее передать сыну, чтобы он прибыл к нему в гости.

Через некоторое время Бэрт-Хара приехал к Тыгыну верхом на вороном коне, волоча по земле ноги. Тыгын принял его с почетом: слуги у ворот взяли коня гостя под узды, перед ним настезь растворили двери, под сиденьем подложили ему особую подстилку.

Затем Тыгын в честь гостя устроил ысыах с Состязаниями. В борьбе и бегах Бэрт-Хара вышел победителем. Предложили ему скакать на одной ноге с витязем Тыгына Дэргийе-Сюрюк. Тем временем Тыгын попросил свою дочь-шаманцу Кыасааны сделать заклятие на его ногу. Кыасааны, исполняя просьбу отца, совершила камлание.

Бэрт-Хара на девятом прыжке неожиданно споткнулся и захромал. Он излечился от этой болезни с помощью шамана, который совершил камлание и извлек из его ноги гада, внедренного шаманкой в его надколенную чашечку. При этом шаман сказал:

«Из трех голов гада одна осталась в теле, поэтому твои потомки будут подвержены разным заболеваниям в нижних конечностях».

Бэрт-Хара, озлобившись на Тыгына, пошел сразиться с ним. Но последний предложил ему в жены свою младшую дочь, красавицу Хаачылаан, хитрыми речами склонил его к миру.

Убийство Тыгыном сына

У Тыгына родился четвертый сын, которого наименовали Таас-Уллунгах. Тело его было как бы литое из плотного материала не поддавалось ни ударам, ни ни нажимам, а ступни были тверды как камень.

Когда он в семилетнем возрасте бежал, земля дрожала, а на крик его небо вторило непогодой, ветрами и морозом. Как в борьбе, так и в бегах он легко одолевал своих старших братьев. Когда же отец, Тыгын, намеревался посечь его, он совсем не давался. Поэтому Тыгын, будучи в сильном гневе, сказал старшему сыну:

«Пока имеем возможность осилить его, давай умертвим!» Когда они с намерением покончить с ним начали рубить его пальмами, Таас-Уллунгах вырвался и убежал. После долгих поисков нашли его спящим в пади на прибрежных горах Лены. Тут же вонзив копье под левую подмышку, закололи его. Но сын перед смертью успел сказать: «О, мой отец и старший брат! Хотя вам и удалось воровски убить меня, но в грядущем наступит час, когда вы пожалеете о моем отсутствии, и напрасны будут ваши мольбы и слезы!»

Кириллин Дмитрий Федорович, 45 лет, Нахарского наслега. Напечатано по-якутски в № 5 и 7 газеты «Якутская жизнь»

В древности в Мытахском наслеге нашего улуса [горный Мытаах расположен по притокам речки Сини на Вилюе-Ленском плоскогорье] жили старик и старуха; до 50-летнего возраста они не имели детей.

Однажды старик куда-то отлучился, старуха ночевала одна. Ночью вдруг она проснулась и заметила у себя на постели человека, лежащего вместе с ней; глаза и тело у него были белые, как соль, бедра и голени были подобны только что очищенным от коры обрубкам бревна, ощущение его тела было приятное.

Затем поднялся с постели и, сидя, стал обуваться. При этом он будто бы сказал:

«Я — сын Юрюнг-Айыы. Ты родишь от меня ребенка мужского пола с белыми, как соль, глазами и телом; он будет человеком, не знающим неудачи и случайной гибели, счастливым и богатым. Назовите его Быйангнаах-Быйаа [изобильно одаренный Быйаа]».

После этих слов он исчез. Старуха рассказала о ночном госте, своему мужу. Старик сказал:

«Значит, от тебя родится ребенок, predeterminedный волей свыше, от Юрюнг-Айыы. Теперь наша жизнь повернется к лучшему, молчи и громко не говори». [У якутов существует поверье громко не говорить о какой либо особой удаче, счастье, чтобы они по изменили.]

На будущий год в урочное время действительно родился ребенок с указанными признаками. Через три дня после родов отпраздновали проводы Айыысыт. При этом старик отец по завету отца-небожителя дал сыну имя Быйангнаах-Быйаа.

Ребенок благополучно вырос, возмужал, стал во всех отношениях превосходным человеком и обладал замечательным умом, Позже он стал шаманом и одновременно был князцом [главой своего наслега]. Имел он будто бы семь жен.

Однажды он наткнулся на гнездо орла и там нашел «орлиное счастье» в виде светло-желтого прозрачного камня, похожего на утиное яйцо.

Когда Быйаа подошел к дереву, сам орел выпустил этот камень из своих когтей. Благодаря этому «орлиному счастью» род Быйаа был богат и счастлив в течение семи поколений. В продолжение четырех поколений потомки Быйаа были наследственными князцами и шаманами. Сын Быйаа — Догой-Кшинээс, сын послед-него — Борчугунаан-Кинээс, от него происходит Ньюкуус-Кинээс. Известный мытахский шаман Боруочаан, кажется сын Догоя, тоже был из того же рода. Этот рассказ я слышал от ныне живого мытахского шамана Келлюёнэ.

Амосов Константин, 35 лет, 1-го Малтанского наслега.

Соххор-дуурай и хабар Джапсай

Предок Джобулгинского наслега [старинное название 1-го Мальжегарского наслега] — Кэлтээки-Сабыйа. Он одну свою дочь выдал замуж за сына Тыгына. Жил постоянно на острове Тарагай на Лене [напротив с. Булгунньахта]. Рассказывают, дочь Сабыйа была такая резвая в беге, что в промежуток между двумя удоями прибегала из местожительства Тыгына, где теперь город Якутск, к отцу па остров Тарагай сообщить о том, что войско Тыгына уже выступило в поход, и успевала добежать до дому. [Расстояние 115 верст, туда и обратно — 230 верст. Промежуток между удоями — 3—4 часа.]

Из Мальжегаров был известен воинственный муж Соххор-Дуурай [Одноглазый Дуурай]. Он лишь услышит, что где-нибудь среди народа родился мальчик, подающий надежды стать выдающимся человеком, тотчас же отправлялся и убивал его. Однажды он во время такого объезда нашел и привез с собой двух мальчиков, думая, что из них выйдут отличные воины. Одному из них было шесть, другому пять лет. Дали им имена: одному—Хабар. другому — Джапсар...

Соххор-Дуурай имел пять сыновей, которые считаются предками всех пяти Мальжегарских наслегов. Старшин сын — Кэлтээки-Сабыйа — родоначальник 1-го Мальжегарского наслега; Мочурууска-Буллахаат — предок бертюнцев [2-го Мальжегарского наслега]; Хонгхо-Буйака-предок Харыйалаахского наслега [3-го Мальжегарского] Нанай-Намырчы- предок Тит-Аринского (4-го Мальжегарского) и Айаадыыр-Дуйук – предок Акдааки (5-го Мальжегарского) наслегов.

Про Айаадыыр- Дуйука рассказывают:оего громкое гикание, когда он у устья речки Сини собирал свои табуны, было слышно там, где теперь стоит деревня Тоен-Аринская. (Расстояние между этими пунктами по Лене 90 верст.)

Однажды прибыло войско Тыгына воевать с мальжегарами.Соххор-Дуураю тоже нужно было вооружиться.Он обратился к жене с просьбой указать, н которого из сыновей надеть кольчугу. (В те времена делали особую одежду, составленную из железных пластинок наподобие рыбьей чешуи. Он сам свой выбор останавливал на Мочурууска-Буллахаате, но жена возразила:

«Еще в детстве по плачу я примечала, что у него не будет выдержки и терпения. Одевай на Нанай-Намырчы, он был спокойным и неторопливым».

Кольчугу надели на последнего. Но лишь надели доспехи, он бился до полудня, как новооседланный конь.

Войско Тыгына раскинуло стан на западном берегу Лены, против острова Тарагай, а Соххор-Дуурай собрал своих воинов на острове. Сначала согласились испробовать меткость в стрельбе из лука С обеих сторон выставили в качестве мишени по медному стремени. Когда стреляли воины Тыгына [через левую протоку Лены на остров], два парня Дуурая, Хабар и Джапсар, стоя по обе стороны стремени, хватали летящие стрелы. Ни одна из них не попала в цель. Потом стали стрелять воины Дуурая. Сразу прострелили медное стремя Тыгына. Испугавшись их меткости, войско Тыгына тайком снялось с места и ушло, оставив неразобранными одну сторону урас.

Этот рассказ я слышал от Хосой-Мэхээлэ, отец которого Джесюёл был известный рассказчик и знаток старины.

Данилов Петр, 58 лет, 3-го Мальжегарского наслега. Июнь 1921 г., остров Тиит-Арыы.

Соххор-дуурай и хабар Джапсай 2

В старину когда-то жил богатырь Соххор-Дуурай. Он отличался воинственным нравом; кого ни увидит, обязательно вступает с ним в бой и убивает. Когда он ехал верхом, пускали стрелу в его спину. Стрела, пронзив тело, высывалась из груди, но он продолжал ехать, не замечая ранения. Простреленный насквозь, он возвращался домой, причем полученная рана'сказывалась только в том что вечером, сидя, он дремал. У него был брат шаман, который, сделав порез на теле, вынимал стрелу.

Дуурай имел двух воинов-ловкочей, братьев Хабара п Джапсара. Эти воины в битве налету ловили стрелы, У Дуурая был еще особый воин по имени Нанай-Намырчы. Одев на него кольчугу, нужно было три дня держать его на привязи. В это время он с неумолкаемыми криками неистово бился.

Боевые кони Дуурая тоже имели щиты, сделанные из сухих листовенничных досок, скрепленных вместе, которые привязывали по бокам коня. Латами защищали также и другие части коня. У такого коня, облаченного в полные боевые доспехи, виднелись только тонкие бабки у щиколотки. В те времена сражались, как рассказывают, стоя под прикрытием таких покрытых щитами коней. Военные доспехи надевались на самых отборных воинов и коней.

Был еще другой знаменитый богатырь, по имени Айаадыыр-Дуйук, который отличался необычайно сильным криком.

Емельянов Егор Николаевич, 70 лет, 4-го Мальжегарского наслега. Февраль| 1925 г., Усун-Кытыл.

№ 122

Общий предок всех мальжегарских якутов, Соххор-Дуурай, жил, по рассказам, **на острове Тарагай**. Это было и незапамятной древности, Говорят, у него-то и был человек, которого звали Хабар-Джапсар, необыкновенный ловкач и быстрый и бега. Он будто бы между двумя удоями коров прибежал из местожительства Тыгына, где теперь стоит город Якутск, на остров Тарагай и сообщил Соххор-Дуураю о выступлении войска Тыгына. Получив эту вест, Соххор-Дуурай приказывал своему кузнецу выковать запас стрел [разумеются, конечно, наконечники] для предстоящего сражения. По этому поводу Хабар-Джапсар будто бы замечал:

«Напрасно ты утруждаешь кузнеца, нужное оружие принесут нам они сами».

Однако Дуурай не слушал его увещаний.

Наконец прибыло войско Тыгына. Сын его Чаллаайы-Бёгё своего боевого коня, защищенного железной броней по самые щиколотки, поставил поперек на горе. Затем его воины открыли стрельбу из луков через ленскую протоку, Хабар-Джапсар, стоя на одном месте и извиваясь так и сяк, ловил руками все пущенные стрелы. Когда у воинов Тыгына вышли все стрелы, начали стрельбу люди Дуурая. Хабар-Джапсар одной стрелой угодил в бабку коня Чаллаайы. На следующий же день сын Тыгына, испугавшись меткости противников, со своими воинами поспешно снялся с лагеря, оставив неразобранными лицевые стороны своих урас

Сысоев Захар, 46 лет, 4-го Мальжегарского наслега, Июль -1923 г., остров **Тиит-Арыы**.

Соххор-дуурай и хабар Джапсай 3

У нас в Мальжегарцах жил когда-то известный силач Соххор-Дуурай. Он однажды угнал у Тыгына целый табун. Последний погнался за ним с войском. Рассказывают, что у Тыгына все кони были покрыты броней. Одни стрелок с острова Тарагай, когда воины Тыгына находились еще па западном берегу Лены. прострелил ногу одного коня в незащищенном месте, ниже щиколотки,

Павлов Николай Устинович, 76 лет, 2-го Мальжегарского наслега. Январь 1925 г.

№ 124

Хабар и Джапсар — два парня, сироты. [По-видимому, братья, но в записи это не значитсся,] Они прибыли к нам в Тиит-Арыы с острова Тарагай [т. е. из 1-го Мальжегарского наслега]. Там у себя на родине, когда к старику Малляю [общий предок мальжегарских якутов, но иногда его путают с Соххор-Дуураем и Кэлтээки-Сабыйа] пришло войско Тыгына, эти парни ловили стрелы. Хабара и Джапсара нужно считать прародителями нашего наслега.

Ксенофонтов Иннокентий, 58 лет, 4-го Мальжегарского наслега. Июль 1923 г.

№ 125

Хабар и Джапсар жили, по рассказам, когда-то в далекую старину. Они были братья-сироты и будто бы говорили:

«Мы будем собаками и станем таскать в зубах ваши стрелы»,

Откуда пришли неизвестно, говорили:

«Мы — заблудившиеся дети...»

Они пришли, надо полагать, к предкам наших **Тиит-арыынских** якутов.

В старину жил человек по имени Хара-Бытык-Масары. Этот Хара-Бытык-Масары и был нашим предком, поэтому-то наш род и получил наименование Бытык-ууса [род Бороды]. Так рассказывал мой отец Ньыыканап-Огонньор. Он, достигнув 80-летнего возраста, умер 20 лет тому назад.

Никонов Николай, 58 лет, 4-го Мальжегарского наслега. Июль 1923 г. остров **Тиит-Арыы**.

№ 126

Предком Бытыковского рода нашего наслега считается Тюён-Багыын; он имеет и второе имя — Сабар-Джапсар [Хабар-Джап-сар?]. Рассказывают, что он голый рукой ловил летящие стрелы.

Предком же нашего Чыбылыкского рода [сам рассказчик из итого рода] был Нанай-Намырчы. Говорят, он был человек самого тихого нрава и лучших качеств.

От Тюён-Багыына произошел Хабырыыла-Кинээс [один из родоначальников наслега], который имел восемь сыновей.

Белых Гавриил, 77 лет, 4-го Мальжегарского наслега. Июль 1923 г., остров **Тиит-Арыы**.

Легенда № 125

... В старину жил человек **Хара-Бытык-Масары**. Этот **Хара-Бытык Масары** и был нашим предком, поэтому-то наш род получил наименование **Бытык-ууса (род Бороды)**. Так рассказывал мой отец Ньыыканап-Огонньор. Он, достигнув 80-летнего возраста, умер 20 лет тому назад.

Никонов Николай, 58 лет, 4-го Мальжегарского наслега. Июль 1923 г., остров Тиит-Арыы.

Легенда № 126

Предком Бытыковского рода нашего наслега считается Тюен-Багыын; он имеет и второе имя – Сабар-Джапсар (Хабар-Джапсар?) Рассказывают, что он голый рукой ловил летящие стрелы.... От Тюен-Багыына произошел **Хабырыыла-Кинээс** (один из родоначальников наслега), который имел восемь сыновей.

Белых Гаврил, 77 лет, 4-го Мальжегарского наслега. Июль 1923 г., остров Тиит-Арыы.

Легенда № 124

Хабар и Джапсар – два парня сироты. (По-видимому, братья, но в записи это не значит.) Они прибыли к нам в Тиит-Арыы с острова Тарагай (т.е. из 1-го Мальжегарского наслега). Там, у себя на родине, когда к старику Малляаю (общий предок мальжегарских якутов, но его иногда путают с Соххор-Дуураем и Кэлтээки-Сабыйа) пришло войско Тыгына, эти парни ловили стрелы. Хабара и Джапсара нужно считать прародителями нашего наслега.

Ксенофонов Иннокентий, 58 лет, 4-го Мальжегарского наслега. Июль 1923 г.

№ 127 продолжение

... «Когда Сабыйа в бою отступает задом, то быстроту и проворность его заднего хода можно уподобить бегу самки собаки». А Сабыйа в свою очередь хвалил своего противника: «Когда Хадаар бьется в рукопашную, то звон его меча по частоте удара напоминает свист воздуха, когда он рассекается крыльями стаи гусей-гуменников» (так они хвалили друг-друга, чтобы в глазах других повысить собственную доблесть). Наконец, Сабыйа стал рубить лошадей Хадаара. Только тогда последний решил укочевать обратно.

Рыкунов Осип Николаевич, 74г., 1-й Мальжагарский наслег. Январь 1925г., о.Тойон-Арыы.

Шаман Ахтаан – отец Сабыя – Ботура

По преданиям, в древности жил шаман по имени Ахтаан. Он имел единственного сына Сабыя и дочь. Дочь поехала в Олёкминский край и поселилась там в Мальжегарцах. У этого шамана был белый бык, которого назвали «буга». Рассказывают что древние люди вместо слова «огус» [бык] говорили «буга». Этого быка какие-то люди украли и съели. Шаман, рассерженный этим обстоятельством, бросив своего сына, переехал на жительство дочери в Олёкминский край. От его дочери и произошли олёкминские якуты.

Алексеев Гаврил Тихонович, 54 лет, 4-го Мальжегарского наслега . Лето 1921 г.

№129 Детство Сабыя – Боотура

Сабыя, оставшись сиротой, каким-то образом попал в Вилюй и вырос там. Он творил всякие пакости: насилывал женщин, убивал у людей скот. Тамошние за такой нрав возненавидели его и говорили: «От этого бродяги нам нет житья!»

Нашли трех молодцов и поручили им расправиться с Сабыя. Эти молодцы, поймав Сабыя, поломали ему кости одной голени и одной руки, а затем бросили его в болото. Он пролежал там три дня, только по блеску единственного глаза можно было догадаться, что он еще жив. Враги, покартаулив три дня, решили, что он уже умер, и ушли. Искалеченный Сабыя едва-едва выполз из болота и пришел к жилищу одной старухи, которая жила одиноко. Здесь он подлечился и к началу осени, в пору созревания плодов земли, уже был здоров. Но одна нога осталась короче другой, поэтому-то он получил прозвище Кэлтээки [хромой, приседающий на одну ногу].

В ту же осень он прибыл на родину. Здесь, возмужав, он одержал верх над всеми, ни один человек не мог соперничать с ним. Он обладал силой чарования и колдовства, был необычайно быстроног. Рассказывают, что он, подбежав к просителю, вонзал острие своей пальмы в его ступню и, опершись на рукоятку, вел с ним беседу. При этом хвалил тех, кто молча переносил боль. Затем, плюнув на рану, произносил заговор, и рана тут же заживала. Свое боевое оружие он не носил ниже поясицы, так как, по его мнению, нижняя часть человека нечиста. Если нарушать это правило, то оружие будто бы проникалось духом неистовства и кровожадности. Клинок Оружия он завертывал чистой берестой в девять слоев.

Борьба Сабыя с вилюйскими якутами

Впоследствии, собрав людей, Сабыя-Боотур выехал на Вилюй свести старые счеты. Рассказывают, что оттуда он привел 50 человек в возмещение полученного им увечья: в уплату за глаз особо, в уплату за кисти особо и т. д. До сих пор у нас в роде Бэчиэкэн и в родне Бетюгэт имеются семьи, о которых рассказывают, что предки их пришли когда-то в качестве такого возмещения. Кроме того, он привел еще сто голов скота. Сабыя жил на плоскогорье (на левом берегу Лены) в местности Кердугэн, в 3-х верстах от теперешнего селения Тойон-Аринское. Его коновязь до сих пор стоит там. Опасаясь прихода врагов, он каждое лето проводил в Кёрдүгэпе, карауля принадлежащий ему большой остров Тойон-Арыы. Он побаивался особенно праотца 5-го Мальжегарского наслега, младшего сына старика Мальжегара. С северной же стороны опасался сына Тыгына Чаллаайы

Борьба Сабыйа с сыном Тыгына Чаллаайы

Однажды летом в пору ысыахов Чаллаайы прислал вестового по имени Дэгийэ-Бэргэн. Последний, отличаясь необыкновенной быстротой в беге, все расстояние от Ойуу-Хатынг, где жил Чал-чаайы, досюда, т. е. до Тойон-Арыы [120 верст], проходил в промежутки времени между двумя удоями.

Чаллаайы оповещал, что он через девять дней в составе де-пяти богатырей пожалует к нему, и требовал, чтобы к тому времени он приготовил к сдаче лучшую часть своих земель. Сабыйа попросил передать ему, что он уже готов. Затем, готовясь к отпору, он обратился с просьбой о помощи к предку бертюнцев [местное название 2-го Мальжегарского наслега] Кыччыт-Хадаару и к предку Сатинского, наслегу Соххор-Дуурау. Последний ответил: «Зачем затеваешь войну? Разве возможно успешно бороться и устоять против сына Тыгына?» и поспешил укочевать на Вилюй. А Хадаар среди жгучего лета, избегая беды, перебрался к верховьям речки Кэтзмэ. Сабыйа, оставшись один, однако, не утратился и приготовился к обороне. От пади Суруктаах-Аана [Писанные Ворота] до острова Тарагай, расчистив лес, проложил просеку; срубленные деревья по обеим сторонам дороги расставил в виде конических шалашей. Это были знаки, указывающие дорогу.

Ровно через девять дней прибыл Чаллаайы с людьми на девяти голубо-пегих конях, покрытых по самую щиколотку броней. Въезжая на остров Тарагай, он крикнул:

- «Хромой Сабыйа, где ты?»
- Сабыйа ответил: «Я здесь!»
- «Где же твоё войско?»
- «Мои люди находятся у подножия каждого дерева и каждой травки!»

Древние богатыри имели остроконечный железный шлем с тремя перехватами; от верхушки шлема до плеч прикреплялось особое железо для защиты от стрел, которое называлось «буулага».

Сабыйа выстрелил и стрелой разбил буулага Чаллаайы. По следний сказал: «Я со многими сражался на луках, но ни разу не встречал человека с такой силой» большого пальца. Убери своих людей и выходи один на один состязаться на мечах!»

Сабыйа очень обрадовался такому предложению и крикнул якобы своим воинам:

«Эй, мои люди, уходите прочь!»

Стали биться. Бились около часа [«кюёс быстынга» — время вскипания котла]. Чаллаайы силой превосходил противника и через некоторое время, избив тыльной стороной меча, повалил его на землю. Рассказывают, что древние воины имели при себе развилчатую веревку. Двумя ответвлениями этой веревки привязывали захваченного в плен воина, а третий конец пристегивали к переднему крючку седла и гнали его перед собой. Чаллаайы так и сделал. Он повел его на горку, чтобы оттуда он указал уступаемые земли. Когда дошли до Суруктаах-Аана, Сабыйа, хлопнув в ладоши, вдруг захохотал раскатисто. Чаллаайы оглянулся назад. В это время Сабыйа, схватив бульжник величиной с желудок телят, ударил им в самый лоб Чаллаайы. Последний потерял сознание и упал. Основательно избив, Сабыйа привязал противника к его же собственному седлу. А затем, прикрепив к хвосту коня бересту, погнал его домой. [«К хвосту коня привязал бересту» — поговорка, которая означает решительную и бесповоротную победу над врагом.] Конь с привязанным хозяином прибежал домой в Ойуу-Хатынг. Люди Чаллаайы, увидев проделку Сабыйа, выразились про него так:

«Ни один из имеющих острое оружие не может направить его на Сабыйа-Боотура, ни один из имеющих лезвие не укротил его. Не берет его ни меткое слово, ни острое зрение!»

В то же лето через семь дней после указанного события Чаллаайы снова отправил Дэгийэ-Бэргэна с предложением к Сабыйа прибыть лично и помириться. В противном случае он грозил новым походом, но на этот раз с бесспорным превосходством сил. Сабыйа подумал:

«Если придет, говоря по правде, мне не сдобровать Лучший исход, полагаясь на великодушие именитого человека, самому лечь под его ноги».

Не нашел он людей, которые решились бы даже сопровождать его. Поехал, взяв одного старшего сына Сабаана. Чаллаайы в честь него устроил ысыах, веселились и играли в течение семи дней. Земли свои разделили пополам, установив границу своих владений от Покровского мыса. Раньше, как рассказывают, Чаллаайы гнал Сабыйа, чтобы поселить на его землях людей из народа Хара.

Борьба Сабыйа с бёртюнским Хадааром

У Хадаара были два знаменитых коня; один из них будто бы перескакивал речку Сиинэ у самого устья. Сабыйа попросил подарить ему одного из этих коней. Хадаар ответил:

«Я скорее соглашусь уступить половину своего богатства, чем расстаться с этим конем. Он для меня так же дорог, как глаза, которыми вижу, и зубы, которые не позволю рвать».

Однажды в ту весну, когда Сабыйа просил коня, Хадаар прикочевал в местность Багаджа, на конец острова Тойон-Арыы, для пастьбы своего скота. Здесь он проживал во временной маленькой урасе [«далла»]. Сабыйа пришел и изрубил у Хадаара 200 лошадей. Той же осенью в пору созревания плодов земных Хадаар пас свои стада в местности Огус-Охтубут. Сабыйа тоже прикоче-пал в это место и, раскинув урасу, стал гнать Хадаара. Сразились на мечах. Во время битвы Хадаар сказал:

«Разве Хромой Сабыйа позволит попасть в себя? Когда он отступает задом, его проворство не уступит бегу суки!»

Противник возразил:

«Разве можно попасть и в Хадаара? Свист его меча подобен шуму крыльев целой стаи казарок!»

Хадаар ударом снес четвертую часть черепа Сабыйа. Не успел осколок черепа долететь до земли, как Сабыйа поймал его и сунул в свой карман. Напуганный этим обстоятельством, Хадаар подумал: «С таким чертом ни одна живая душа не может состязаться!» Затем, страшась преследования противника, он оставил неразобранной одну половину урасы и укочевал к верховьям речки Кэтэмэ.

Борьба Сабыйа с Акдаакы

Летом следующего года Сабыйа, приготовив запасы оружия в семи падях Лены, пошел к **Акдаакы** [5-й Мальжегарский наслег]. Там против него выступили семь человек и обратили его в бегство. В шести пунктах [где Сабыйа приготовил оружие] преследователи не допустили его до оружия. Наконец в седьмой пади на вершине горки у Писаных Ворот ему удалось захватить запас оружия. Стоя здесь с протянутыми вверх ладонями, он воззвал:

«Если я — человек, судьба которого predeterminedена небом и землей, сбросьте мне в виде знамени запекшуюся кровь!»

Обе ладони наполнились сгустками крови, упавшими сверху.

Противники, увидев это, были напуганы и с восклицанием «Ни один из имеющих человеческий образ не может противиться такому чудовищу!» поспешили удалиться. Сабыйа, спустившись к подножию горы, тем сгустком крови, который упал с неба, начертал на скале знаки, говоря при этом: «Пусть грядущее поколение по ним узнает обо мне!»

Поэтому-то эта падь стала известна под названием Писаные Ворота.

Сабыйа считается предком всего Джобулгинского наслега.

[Официально — 1-й Мальжегарский.] Его старший брат Киис-Сангыйах-Мондурах был предком рода Бётюгэт. В нашем наслеге всего три рода: Джобулга, Бётюгэт и Бэчиэкэн.

Могила Сабыйа-Боотура

«Арангас» [могила] Сабыйа находится в местности Сабыйа-Куталаах. Девяносто лет тому назад этот арангас сгнил и свалился. Тогда, заколов одного жирного коня для «садага», его труп похоронили в земле. Внутри амбарушки, где лежал в гробу труп Сабыйа, были лук, пальма, батас, чайник... Сам он был в дохе из рыси, шапке из росомахи в виде женской остроконечной шапки, на ногах обувь из выделанной лосины, окрашенной в красный цвет. Его оружие поделили между собой хоронившие. Рассказывал это 70-летний старик, умерший 30 лет тому назад, который был при похоронах 10-летним мальчиком.

Паспортные данные те же, что и у текста № 128.

№ 135 Древний обычай воспитания воинов

Рассказывают, что у древних якутов практиковалось обучение воинскому искусству. Учение мальчика начиналось с трехлетнего возраста. Сначала бросали в него горящие угли, чтобы приучить его увертываться. После того переходили к обучению оружием, били пальмой, напоследок учили увертываться от стрел. Юноша к 18 годам обязан был закончить воинское обучение.

В заключение обученного юношу подвергали особому испытанию: когда он сидел дома, неожиданно входил со двора искусный воин и с оружием в руках гнался за ним, рубя по чему попало. После этого юношу раздевали и проверяли, не коснулось ли оружие его тела. Если на теле оказывались раны, то обучение признавалось незаконченным.

Выдержавшему испытание бросали сверху через трубу кусок мяса, который он должен был поймать на кончик своего ножа. Затем на его лицо поперек накладывали шов. Эта «поперечная мета» значила, что он лучший человек, прошедший воинское обучение.

На дочери человека, получившего воинское обучение, мог жениться только воин, прошедший такое же учение. Эта женитьба, как говорит предание, происходила так.

Приехавший свататься входил в юрту. Тотчас же старуха хозяйка подавала ему в посуде кумыс утолить жажду. В то время когда он наклонялся к посуде, старик неожиданно вскакивал и колот пальмой, целясь в самую печень. Жених должен был отскочить в сторону, не пролив при этом кумыса.

Затем старик замахивался, целясь в голову, с намерением раскроить ему череп, и тот тоже должен был ловко увернуться от удара. Только после этих предварительных испытаний начинались переговоры о женитьбе. Старик давал согласие и предлагал жениху самому овладеть невестой.

Последняя выскакивала на двор и пускалась в бегство. Жених преследовал ее. Он становился мужем, если догонит и сможет осилить ее.

Необученного жениха старик имел право зарубить тут же, не подвергаясь за это никакому наказанию. Рассказывают, что это обучение воинскому искусству оставлено было после прибытия русских.

Семенов Платон Саввич, 41 года, 2-го Мальжегарского наслега. Январь, 1925г

История становления якутского этноса и его предводителя Тыгына на Средней Лене

Детальное изучение N3-хромосомы якутов на основе анализа дополнительных 17 микросателлитных участков показало, что N3-хромосомы якутов образуют отдельную, обособленную ветвь, экспанция носителей которой началась достаточно давно, 1540 ± 580 лет назад [2]. Детальное изучение N3-хромосомы якутов на основе анализа дополнительных 17 микросателлитных участков показало, что N3-хромосомы якутов образуют отдельную, обособленную ветвь, экспанция носителей которой началась достаточно давно, 1540 ± 580 лет назад [2]. По мнению Г.В.Ксенофонтова якуты представляют собой народ смешанного происхождения, включивший в себя три волны тюркоязычных переселенцев. Первое заселение якутами бассейна р. Вилюй началось в конце 1 в. н.э. Вторая волна переселения якутов на Среднюю Лёну и в бассейн Вилюя из Прибайкалья наблюдалась в VI – VII вв. н.э. Наконец, последний этап переселения якутов произошел в XI – XII вв. в связи с усилением монгольских племен и полным вытеснением предков якутов с первоначального места проживания [3].

Более поздние исследователи расходятся во мнении. Одни считают, что массовое переселение якутов на север началось с XIII в [4]. Другие, на основе археологических находок и тюркских рунических надписей по берегам р. Лены, указывают о проникновении тюрков в Якутию, начиная с VI века [5].

В любом случае, предки народа саха дали названия долинам Эркээни и Туймаада очень давно. Среди якутов были ханглы, которые представляли среди всех якутов особую группу – владельческий род, глава которого имел особый титул «Тойон ууһа» («Тойонский род»). Эти ханглы основали Хангаласский улус. Хангалассцы были одним из многочисленных и сильных племен, которые состояли во главе союза племен, состоявшего из хангалассцев, нерюктяйцев, мальжегарцев, нахаринцев и жемконцев.

По преданиям, на территории Хангаласского улуса поселился Омогой-баай. После него на местности Бахай (около современного поселка Ой) причалила лодка Элляй-Боотура. По легенде с этого времени начинается формирование народности саха. Интересно, что эффект N3-основателя, наблюдаемый в якутской популяции, соответствует историческим преданиям якутов, согласно которым все якутские роды по мужской линии в 71% до 93% являются потомками одного основателя [6].

Первые документы, составленные в 30-х годах XVII века русскими, свидетельствуют о проживании в среднем течении Лены хангалассцев, во главе которых стоял Тыгын Дархан, потомок Эллэя и Омогоя.

Тыгын Дархан жил во второй половине XVI-го и первой половине XVII веков. Отца его звали Мунньан Дархан, а дедушку Дойду'а Дархан. По мнению историков имена людям давали за заслуги, которые они совершили. По нашим сегодняшним понятиям, за политику, которую они проводили. Например, имя «Дойду'а», человек может получить за то, что он определял людям земли: кому, где жить. Этим самым он обосновал малую родину каждого, что и называется «дойду», в переводе – родина. Слово Мунньан переводится буквально, как собирать, собрание. Следовательно, заслуга его перед народом в том, что он объединил семьи, роды в один улус. Слово «улуус» означает административную территорию многих уусов, т.е. родов. Тыгын родился в то время, когда убили его отца. Поэтому вначале ему дали имя «Тыын» - буквальный перевод означает дыхание, от понятия саха «толук тыын», т.е. взамен дыхания отца. Позже, когда он стал во главе улуса и стал объединять всех саха, то ему дали титул «Тыгын» - от тюркского слова «тегин» - князь. Эвенки звали его «Дыгын», в переводе с эвенского «четвертый». Видимо Тыгын был четвертым сыном у Мунньан Дархана.

Семья Мунньан Дархана владела землями от р. Куллаты до Немюгинцев. Бесстрашный и храбрый Тыгын с юных лет начал лидировать среди своих братьев. Это не понравилось старшим, но Тыгын вышел победителем в затеянной борьбе, ибо он, Тыгын, опирался на силу тойонского рода хангалассцев и богатырей, пришедших из других мест, тем самым подчинил себе другие племена и роды, став единоличным владыкой над ними.

У могущественного Тыгына максимальное количество людей «державших мечи» достигало 200 человек, его воины ходили в походы на Энсиэли, Кобяй, Вилюй, Борогонцы, Таатту, Амгу, Олекму. Номинальную власть легендарного правителя Тыгына в первой половине XVI века и в первой трети XVII века признавали почти все местные объединения якутов. [следующая](#)

Наиболее известной, незаурядной исторической личностью был родоначальник хангаласцев Тыгын, потомок Элляя. Он жил во II половине XVI – начале XVII века и посвятил свою жизнь сплочению различных якутских племен в единый народ саха.

1. К слову «**Самартай**». Легенда гласит, что в древние века под таким названием пришла на восточное побережье реки Лена, напротив современного города Покровск (сёла 1, 2 Жемкон), небольшая группа боотуров (воинов) тюркоязычные предки саха, и, потеснив тунгусские племена, поселилась в этих местах. Они отличались крепким мужицким телосложением, высоким ростом. Лица их были грубыми, неотесанными (отсюда и слово «самартай», вероятно произошло это слово от характеристики «сымарыттыбыт»). Они были вооружены луками и стрелами. Напугали тунгусов крупным телосложением и «громким голосом», ибо издали грозились, ругались из рупора, сделанного из бересты. После угроз стреляли из лука с металлическими наконечниками, которые глубоко втыкались в деревья.
2. Местность на территории наслага 1-й Жемкон, называется по старинке «Туора тумуһах», по новому «Тиит Эбэ». Легенды довели до нас известие о том, якобы на этом месте был убит предводитель хангалассев Мунньан Дархан и в то же время родился его сын Тыгын Дархан (примерно 1580-90 годах), будущий знаменитый предводитель хангалассцев.
О жизни и смерти Мунньан Дархана и Тыгын Дархана много были и слухов, но до сих пор никто не может сказать точно, как это было. Эта версия истории о смерти Мунньан Дархана и рождении его младшего сына Тыгын Дархана описано со слов старожилки этого наслага 77-летнего Ивана Ионовича Филиппова. Иван Ионович в детстве услышал эту историю от своего дедушки Иннокентия Николаевича, по прозвищу «Лебчик», родившегося примерно в 60-х годах XIX столетия и от отца Иона Иннокентьевича, 1900 года рождения, умершего на 85 году жизни.
Легенда получила своё подтверждение в 70-х годах (1976-77 гг., уточнить) прошлого столетия, свидетелем которого и стал сам Филиппов. Иван Ионович работал тогда учителем физической культуры в общеобразовательной школе 1-й Жемконской средней школы.
Однажды мальчики 8 класса в конце мая месяца не пришли на урок физической культуры. Иван Ионович пошел их искать на местность «Туора тумуһах», где всегда играли подростки, и застал их за необычным занятием. Они разбирали гроб, вытаскивали останки человека с двухметровым ростом, примеряли к своему росту и т.п. Оказывается, на этом месте по плану руководителей наслага велись работы по строительству пилорамы. Строили пилораму русские мужики. Остатки этой пилорамы стоят и сейчас.
Для установки остова пилорамы и ямы для опилок они бульдозером вырыли канаву. Бульдозер вместе с грунтом вынес гроб. Гроб был сделан из толстой лиственницы, расколотой надвое и выдолбленной посередине. Толщина стенки гроба равнялась четырем пальцам кисти человеческой руки. Место стыка крышки и чаша гроба была очень ровной, аккуратной. Между ними было проложено сукно или выделанная кожа. Гроб в двух местах был обтянут медным обручем. Медный обруч был вложен в аккуратно вырытый канал и закреплен клепками. Такое дорожное убранство гроба Ивану Ионовичу сразу напомнили рассказы отца и дедушки. А содержание их рассказа было таковым.
Хангаласцы и тунгусы верховья речки «Дьяңыл», которая впадала в речку «Мэндэ» враждовали из-за охотничьих угодий. Местность, где жили тунгусы, называется «Эдьини». Однажды летом тунгусы напали на село, где жил уже пожилой Мунньан Дархан. По рассказам он был мужчина огромного роста. Мужчины села все были на сенокосе, а Мунньан Дархан из-за болезни был дома. Взяли его и его молодую жену на сносях в плен и повезли за реку Лену. На устье речки Мэндэ, в местности «Туора тумуһах» Дархана убили, боясь преследований немюгинцев. Хотели убить и его жену, но пожилой тунгус запретил убивать беременную женщину. После этого тунгусы уплыли в верховья речки, а женщина, потрясенная событиями, у одинокой лиственницы родила мальчика, будущего Тыгын Дархана. Немюгинцы, преследуя тунгусов, на этом месте нашли тело своего предводителя и его жену с ребенком.
В те времена было поверье, что, если человек умирал вдали от места своего жилья, то хоронили его на месте смерти. Иначе эта местность требовала другой жертвы, чего естественно никто не хотел. Поэтому похоронили Мунньан Дархана на высоком берегу этой местности, но про такую нелепую смерть своего предводителя умалчивали. Старожилы же этих мест знали эту историю и в течение нескольких веков тихо чттили это место. Проезжая обязательно останавливались у этой лиственницы, оставляли что-нибудь на память.
Иван Ионович, собрал кости, положил их в гроб и доложил об этом руководителям (как он говорит «канцелярии») наслага. Те не стали утруждать себя лишними хлопотами и сказали, что незачем заниматься чьим-то старым гробом и велели рабочим, строившим пилораму, сжечь гроб. Так был, как говорит Иван Ионович, развеян прах предводителя хангалассев.

О братьях Лабыдья и Батамай

Ручей «Лабыдья» на местности «Ленские столбы». Существует предание о живших здесь в древности людях, имена которых сохранились до наших дней. У устья этого речки жили семьи двух родных братьев. Старшего звали Лабыдья, а младшего Батамай. Были они сильны, отважны, удачливы в охоте, жизнь их протекала спокойно и размеренно. Имели они жен, которых звали Кыталык и Кюннэй. Красота их была неопишуемой, но еще краше были их души. Так и жили эти семьи в лесу, не зная забот, восхваляя богатого духа леса Байаная.

Жил в это время у ручья Тумтуун (Тюмтююн) тунгус, звали его Наараган (Наараган). Был он без роду и племени, и на вопрос, откуда он, чьих кровей, не смог бы дать отчетливого ответа. Наараган пропитание себе добывал охотой, имел небольшое стадо оленей.

Слава о добром Лабыдья, о его красивой жене Кыталык дошла и до Наараган. С тех пор Наараган потерял покой, в мыслях у него одна Кыталык, даже во сне стал ее видеть. И решил он отнять у доблестного Лабыдья жену. В январе, когда птица на лету замерзает, запряг он своих оленей в сани и поехал к балагану Лабыдья. Приехал он на место поздно ночью, собаку, залаявшую его, задушил и осторожно приоткрыл дверь балагана.

Лабыдья проснулся от этого шума и навалившегося на него неизвестной тяжести груза. Спросонья он не смог понять, что же это такое. Не было у него возможности взять свое оружие, и, в оцепенении, пробил стену своего дома и выскочил наружу. Побежал он к своему брату Батамаю. От внезапности события и неизвестности события, охватившего его, он никак не мог опомниться. Когда он с братом возвратился домой, то застал такую картину: собака убита, дом весь разгромлен. Было много следов борьбы, ибо жена его упорно боролась с пробравшимся в дом существом, но ее сопротивление было сломлено. Судя по следам, оставленным на снегу, Наараган погрузил вещи на свои сани, перевязал Кыталык на сани и увез ее. Лабыдья с братом решили не пускаться вдогонку, всему свое время рассудили они. До конца зимы Лабыдья жил один. С наступлением весны, вооружившись всем необходимым, Лабыдья пошел на поиски обидчика.

Долго он шел по лесам и горам, наконец, дошел до устья речки Тюмтююн в долине реки Алдан. Увидел дым и нашел урасу. Подкрался к ней и начал караулить. Через некоторое время из урасы вышла девушка. Присмотрелся Лабыдья и узнал свою жену Кыталык. Не помня себя от радости, подбежал к ней. Повела она его в урасу, накормила, напоила. Поев, он говорит ей: когда придет хозяин, не показывай своей радости, притворись, будь как обычно и пометь снаружи урасы место, где он сидит. Я выстрелю из лука и убью его. Она так и сделала. Но Лабыдья промахнулся, стрела со звоном пролетела мимо. Наараган с испугу закричал не своим голосом, вскочил и побежал в сторону речки. Лабыдья пустился вдогонку, догнал и хотел сразу прикончить врага. Но Наараган взмолился о пощаде. Лабыдья послушал его, но не нашел в словах Наарагана признания вины и раскаянья, зарубил его насмерть.

Собрали Лабыдья со своей Кыталык богатства Наарагана и поехали домой. Жили они долго и счастливо. Потомки в память о своих родителях дали этой речке название Лабыдья.

В предании рассказывается, что угнанная тунгусами и только что родившая мать Тыгына занемогла от усталости и голода. Вдруг к ней подлетел темно-серый орел, держа в когтях глухаря, оставил возле нее свою добычу и тем самым спас ее. Именно поэтому орел стал символом наших предков и нашего улуса.

Скала любви

В древние времена на окрестностях села Тумул у бедных и старых крестьян росла красивая девушка. Все восхищались её красотой. Но когда ей исполнилось 16 лет, отец согласился выдать замуж за богатого, но пожилого человека. Но она любила молодого охотника с этих же мест, он тоже её любил. Решение отца было как гром среди ясного неба, ибо решение старших, тем более решение родного отца было законом. Но, у народа саха есть обычай, объявлять или принимать важные решения во время праздника ысыах. Договорившиеся стали ждать день высокого солнцестояния в июне, день праздника.

Тем временем, молодые влюбленные решили защитить своё счастье во что бы то ни стало. Ранней весной, до ледохода, сбежали из своих домов. Построили на скале правого берега реки урасу из молодой лиственницы, обложили дерном и стали тайно жить. В селе распространился слух, что молодые во время ледохода бросились с обрыва и утонули. Мать каждый день плакала и журила мужа, что он, желая нажиться чужим добром, погубил дочь. Отец, осознав свою ошибку, сам не знал куда деваться.

Местные охотники, ездившие на охоту на правый берег реки, знали, где спрятались беглецы, но не давали виду, что знают. Не мешали им и никому не говорили про молодых. Тайно помогали: то лук со стрелами потеряют на тропе, то торбаза с дохой повесят на суку и забудут, то ещё чего. К осени, когда у девушки, у будущей матери, живот стал большой, молодые влюбленные вернулись к своим родителям и стали жить как семья.

С тех пор эту скалу люди называли «Скалой любви». А тропа, где в наше время поднимаются туристы, заложили те молодые влюбленные, когда спускались за водой к речке Лабыдья.

Использованная литература

- Ксенофонов Г.В. Эллэйаада
- Ксенофонов Г.В. Шаманизм
- Токарев С.А. Общественный строй якутов XVII-XVIII в.в., стр. 350
- Интернет-ресурсы. Сайт НПП «Ленские столбы»
- Концепция развития туризма в Хангаласском улусе
- Рисунки учащихся изостудии «Росток»,
руководитель изостудии: Семенова Г.Д.
- Рисунки учащихся МБОУ ПУМГ